Т. МАКЕЕВ

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА АЛТАЕ

*

Алткрайиздат
1951

Т. МАКЕЕВ

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА АЛТАЕ (1727—1917 гг.)

*

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1951

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРНОГО ДЕЛА НА АЛТАЕ

Алтай является районом Западной Сибири, где в 20-х годах XVIII столетия было положено начало горнозаводской промышленности.

Сибирь была присоединена к Московскому государству во второй половине XVI столетия.

Об этом богатейшем крае русские знали задолго до его присоединения, хотя продвижение русских в Сибирь до XVI столетия шло медленно, — сюда проникали только отдельные предприимчивые люди. Правда, уже к началу XVI века русские войска подошли к устью Оби, но только в царствование Ивана IV были предприняты решительные меры для присоединения Сибири к Московскому государству.

После завоевания Казани в 1552 г. русское государство получило возможность продвигаться за Урал и расширять свои владения, ибо «...Казань держала в своих руках волжский путь, связывавший Восточную Европу через Каспийское море с рынками Азербайджана и Ирана, Камский путь на Урал, ведущий в богатую пушниной Сибирь...».[1]

И действительно, вскоре после завоевания Казани войска Ивана IV дошли до Сибири. В 1555 году сибирский царь Едигер признал себя вассалом Москвы и обязался платить дань русскому царю. Однако, спустя 11 лет, Едигер был свергнут Кучумом, порвавшим связи с Московским государством. Но Кучум не в состоянии был противостоять продвижению русских за Урал.

Атаман «донской казачьей вольницы» Ермак первый проложил широкую дорогу в Сибирь и положил начало господству русского государства.

Урал явился экономической базой похода Ермака, а впоследствии сыграл немаловажную роль и в экономическом освоении Сибири. Всем Приуральем владели в тот период бога-

[1] История СССР, под ред. Грекова, т. 1, стр 317.

тые купцы Строгановы. Они получили привилегию основывать города, лить пушки, изготовлять порох и содержать войска. Стремясь защитить свои богатства и распространить своё влияние на Сибирь, Строгановы оказали помощь Ермаку с его дружиной. Прожив более 2 лет у Строгановых, Ермак 1 сентября 1581 г. вышел в Сибирь. В 1582 г. после упорных сражений он овладел столицей Сибири — Искер, расположенной при слиянии Тобола с Иртышом, и большей частью территории ханства Кучума. И хотя в 1584 г. Ермак и большинство его товарищей погибли, Кучуму не пришлось долго господствовать: за Ермаком шли русские войска.

Поход Ермака подготовил падение сибирского ханства. Кучум, разбитый в 1597 г. на берегах Оби, бежал в Среднюю Азию. Сибирская земля включилась в состав Московского государства. Прошло немного времени и русские проникли в самые отдалённые места Сибири. В XVI столетии казаки и служилые люди Московского государства основали Тюмень, Тобольск, Берёзов, Тару, Сургут, Обдорск, Нарым, Верхотурье и ряд других городов. В XVII веке были основаны Томск, Ачинск, Туруханск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Нерчинск, Иркутск, Селенгинск и Альбазин.

Интерес к Сибири усилился после 1619 года, когда, в результате польско-шведской интервенции, Россия потеряла Прибалтику, Финский залив, Белоруссию и, тем самым, лишилась важных экономических районов. Это дало новый толчок России к укреплению экономических связей с Сибирью. Правительство начинает прокладывать тракты и укреплять границы. Первыми были проложены Самаровский и Демьяновский тракты, в 1593 г. — тракт Верхотурье—Тобольск, в 1637 году — Берёзово—Тобольск, в 1725 году — Тобольск—Тара. Прокладка трактов влечёт за собою быстрое заселение прилегающих к ним местностей.

Предгорье Алтая заселяется в XVII столетии. В 1600 году возникла Касмала, первый пункт русского поселения на Алтае, в 1601 г. — Тюменцево, в 1614 г. — Плотава, в 1625 — Трубачёво, в 1626 г. — Тальменка, в 1670 г. — Камень-на-Оби. В начале XVIII столетия основываются города Бийск и Барнаул.

Экономическое приобщение Сибири, как и других национальных окраин, к России, к её народному хозяйству, сыграло положительную историческую роль. «Оно заложило основы прочных экономических связей национальных окраин с народным хозяйством России и явилось, по словам Энгельса, цивилизующим для многих народностей этих окраин»[1].

Пребывание алтайцев в составе царской России, несмотря

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2, стр. 419.

на гнёт колониального режима, дополнявшегося ещё угнетением собственной эксплоататорской верхушки, было прогрессивным явлением в их истории. Проф. Л. П. Потапов указывает, что «...не насильственная руссификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии» и что «это положительное влияние русского народа и естественное экономическое и культурное общение его с алтайцами тормозилось колониальной политикой царизма»[1].

Правительственная колонизаторская политика Московского государства основывалась, с одной стороны, на военно-феодальной и торгово-ростовщической эксплоатации местных народностей, плативших тяжёлые ясачные сборы и ещё больше разоряемых воеводами, сборщиками дани и другими чиновниками, с другой стороны, на успешной земледельческой колонизации Сибири вольными людьми, что создавало более прочное её экономическое освоение. Не малую роль сыграла и колонизация промышленного характера.

В Сибирь шли поощряемые государством промышленники и торговцы, которых привлекала возможность быстрой и лёгкой наживы.

Особенно возросло значение Сибири в XVIII столетии, когда царизм, пытаясь всемерно расширить и укрепить Российское государство, начал усиленно создавать отечественную промышленность.

Военные потребности, а также всё возрастающий спрос внутреннего и мирового рынка на драгоценные металлы, медь, свинец, железо вынудили царское правительство всемерно развивать горнозаводскую промышленность.

В этих условиях царское правительство всячески поощряло поиски новых месторождений драгоценных металлов и железа. Сибирь издавна славилась богатством своих недр, и естественно, что она привлекла к себе внимание правительства и промышленников.

Первым проник на Алтай Акинфий Демидов, сын Никиты Демидовича Антуфьева, именовавшего затем себя по отцу Демидовым. Демидовы явились одними из основоположников горнозаводской промышленности России. После того, как Никита Демидов показал себя искусным оружейником, он снискал покровительство Петра I и пользовался его поддержкой.

«В 1669 году возникает в Туле первый чугунолитейный завод, устроенный выдающимся тульским кузнецом, и промы-

---

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 442.

сел переходит на Урал и в Сибирь»[1]. В 1702 г. Пётр I передал Демидову Невьянский казённый завод, построенный в 1699 г.

Возникновение горной промышленности на Алтае явилось неизбежным следствием реформы Петра I. Экономическая политика Петра привела к созданию крупных мануфактур и, в частности, горных предприятий. Пётр поощрял развитие отечественной торговли и промышленности, чтобы освободиться от иностранной зависимости. Особое внимание он обратил на уральскую промышленность.

Демидов построил ряд новых заводов на Урале и превратился в самого крупного горнопромышленника. Он оставил большое наследство на Урале сыну Акинфию, который, не довольствуясь Уралом, распространил свою деятельность на Алтай.

В 1723 г. вблизи Колыванского озера, там, где некогда находились Чудские копи, местные жители обнаружили залежи медных руд. Узнав об этом, Демидов посылает сюда группу разведчиков во главе с Дмитрием Семёновым. В феврале 1725 года с Невьянского завода Демидов направил приказчиков с людьми для постройки первого завода на р. Локтевке. В 1725 году был открыт Воскресенский медный рудник, а в 1727 г. построен первый медеплавильный завод на Алтае, названный Колывано-Воскресенским. Так назывался и округ вплоть до 1834 года, после чего он был переименован в Алтайский.

В 1739—42 гг. на левом берегу реки Барнаулки (ныне территория Барнаульской спичечной фабрики) был построен Барнаульский, а в 1744 г. на Иртыше заложен Шульбинский медеплавильные заводы. Для обеспечения этих заводов рабочей силой сенат, по просьбе Демидова, в 1740—42 гг. приписал к ним 400 дворов местных крестьян.

В 1735 году демидовский завод и рудники были отобраны в казну. Но в результате тесной связи Демидова с верхушкой административной знати и неосведомлённости правительства о действительных богатствах Алтая Демидов в 1737 году добился возврата своих предприятий.

Демидов, кроме меди, плавил и серебро, стараясь держать производство в секрете от государства. Служащий Демидова Филипп Трегер донёс об этом императрице Елизавете Петровне. Подозревая донос, Демидов поторопился лично сообщить императрице о богатейшем содержании серебра в алтайских рудах. Для расследования положения на демидовских предприятиях Елизавета в 1744 году командировала на Алтай начальника тульских заводов бригадира Беэра. За время своего пребывания на Алтае Беэр выплавил на Змеиногорском заводе 44 пуда серебра и в 1746 г. возвратился в Петербург для доклада о состоянии дел на заводах Демидова.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 371, изд. 4.

Однако при жизни Демидова заводы находились в его собственности. Лишь спустя 2 года после смерти Акинфия Демидова, 1 мая 1747 году указом императрицы Елизаветы Петровны был юридически оформлен акт об отобрании у наследников Демидова заводов, рудников и земель в собственность царского Кабинета. Этот указ, вручённый бригадиру Беэру, гласил: «Ехать тебе на Колывано-Воскресенские заводы умершего действительного статского советника Акинфия Демидова и учинить там следующее:

Оные Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Шульбинский и проч. на Иртыше и Оби реках между оными... **взять на Нас.** Оным строениям и рудам сделать опись и оценку, чего стоят, — для знания, что должно будет наследникам его из казны нашей заплатить, а в таковой заплате зачесть и то, ежели оный покойный Акинфий Демидов и его наследники чем в казну нашу должны и о том о всём справиться где подлежит и прислать нам известия»[1].

Приёмка демидовских предприятий была закончена в 1750 году. Как свидетельствует ведомость «Канцелярии Колывано-Воскресенского начальства», Беэр значительно уменьшил оценку имущества Демидова, не согласившись с претензиями, выставленными его наследниками.

В ведомости указывается, «насколько всего по цене при приёме Колывано-Воскресенского, Барнаульского, Шульбинского заводов, заводского хоромного прочего строения, припасов и материалов со стороны Демидова показано и здешней канцелярией положено, о том значится в графах»[2].

	За строения	За припасы и материалы	Итого
Со стороны Демидова показано (руб.) . . .	26731-48½	24067-69½	50799-18 к.
За всё принятое Канцелярией положено (руб.)	8801-71	20643-56½	29445-27½

Таков был указ, по которому возникло, одно из крупнейших в России, имение русских царей.

Конечно, не следует считать, что причиной перехода заводов в собственность Кабинета послужил случайный повод — донос Трегера. Истинную причину указанного факта надо искать в заинтересованности в этих предприятиях самой Елизаветы, которой нужно было покрывать огромные расходы цар-

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 315, д. 51, л. 176.

[2] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 315, д. 73, л. 108.

ского двора. Елизавета Петровна рассматривала Алтай и его рудники как «золотое дно», откуда можно было черпать средства для своих «нужд». Переход демидовских заводов и рудников в собственность царей привёл к огромному увеличению их доходов. Самый крупный помещик России — император приобрёл территорию Алтайского горного округа в 41,6 млн десятин со всеми богатствами и людьми.

Для управления имением был создан Алтайский горный округ, подчинённый Кабинету (ведомству, управлявшему личным имуществом царя). После того, как горнозаводская промышленность утратила своё значение, Алтайский горный округ был переименован в Главное управление Алтайского округа.

За период существования алтайского имения царя здесь сменилось 25 начальников, из которых 11 являлись иностранцами.

Мастеровые и крестьяне Алтая ожидали от смены хозяина лучшей жизни. Но это была напрасная надежда. Что можно было ожидать от царского посланника и, тем более, от немца, который с презрением относился к русским людям.

Беэр отстранил от работы почти всех русских приказчиков. Всеми делами стали управлять немецкие мастера. На заводах не было в тот период хлеба. Генерал-майор Киндерман составил проект «О снабжении войск сибирских и мастеровых вместо хлеба берёзовой корой, во избежание казне её величества ущерба».

Так закончился, охватывающий почти четверть века, период деятельности Демидова, положивший начало освоению горных богатств Алтая. Начался новый период, период господства русских императоров, превративших Алтай в своё поместье, в свою личную собственность.

РАЗВИТИЕ И УПАДОК ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С переходом демидовских заводов в собственность Кабинета горнозаводская промышленность Алтая начинает быстро развиваться.

Хищническое истребление богатейших природных ресурсов, крепостной труд крестьян и мастеровых позволили поднять заводскую деятельность и получать большие прибыли.

Интересам горнозаводской промышленности были подчинены все отрасли хозяйства алтайского поместья царя. Леса, например, рассматривались, прежде всего, как топливо для заводов. Такое предпочтение горному делу и пренебрежение остальными отраслями хозяйства привело впоследствии к однобокому и уродливому развитию производительных сил Алтая.

Кабинет главным продуктом горного дела считал серебро, выплавку которого вели почти все заводы. Одновременно с этим на Алтае добывались золото, медь, свинец, велась выделка железа и чугуна.

Началась ещё более мрачная страница в истории народов Алтая.

Кабинет принял от наследников Демидова построенный в 1727 г. Колыванский медеплавильный завод и Барнаульский медеплавильный, переоборудованный позднее в сереброплавильный, и обслуживавшие их рудники, открытые Демидовым.

С момента образования на Алтае царского поместья в развитии горнозаводской промышленности можно отметить несколько периодов, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый период, охватывающий промежуток в 15 лет (1747—1761 гг.) можно назвать периодом освоения. В эти годы Кабинет не строит новых заводов и добивается увеличения производства путём расширения действующих заводов и усиления эксплоатации «приписных» и мастеровых. Уже в 1747—50 гг. среднегодовая добыча серебра поднялась с 44 пудов до 189 пудов, а в последующее десятилетие она достигла 299 пудов. Среднегодовая норма прибыли в первые четыре года деятельности Кабинета составила 244 процента, что ещё более усилило стремление Кабинета расширять горнозаводскую промышленность.

1762—1778 гг. характеризуются быстрым подъёмом горнозаводской промышленности. Кабинет строит ряд новых заводов: Павловский сереброплавильный (1763—1764 гг.), Сузунский медеплавильный (1765 г.), Томский железоделательный (1771—72 гг.), Алейский свинцовоплавильный (1775 г.).

Наряду с увеличением выплавки серебра, в эти годы начинается добыча золота. В 1747 году добыча золота возникает на Урале и в скором времени распространяется на Сибирь. В 1762—68 гг. среднегодовая выплавка серебра составила 598 пудов, добыча золота — более $6\frac{1}{2}$ пудов. Стоимость выплавленного за это время серебра и золота составила 5 793 440 рублей, а норма прибыли возросла до 480 процентов.

С 1766 года на Сузунском медеплавильном заводе началась чеканка медной монеты достоинством в 1, 2, 3 и 5 копеек, а также денежки и полушки. На монетах был изображён герб «Два соболя». Эта монета называлась сибирской и носила местный характер.

Сибирская монета шла, главным образом, в уплату сумм, отпускаемых на содержание заводов. В монетном металле было большое содержание серебра и золота. Этим и объясняется то обстоятельство, что если на Екатеринбургском монетном дворе из каждого пуда меди чеканилось монет на 16 рублей, то на Сузунском — на 25 рублей.

Всего за период с 1766 по 1781 г. было выпущено сибирской монеты на 3 799 661 рубль 93,5 копейки. Чеканка монеты давала значительную прибыль. Так, в период с 1762 по 1768 год среднегодовая прибыль составляла более 55 тыс. рублей, а за период 1769—1778 — более 250 тыс. рублей.

С 1781 года Сузунский завод начал чеканить общероссийскую монету.

Вершиной в развитии горного дела на Алтае в XVIII столетии явился период 1769—1778 годов. За этот период среднегодовая выплавка серебра достигла 1 072 пудов, а добыча золота — 9 пудов. Стоимость выплавленного серебра и золота за эти годы составила более 14 029 911 рублей, чистая среднегодовая прибыль достигла 1 162 851 рубля.

Период, охватывающий 1778—1785 гг., характеризуется упадком горного дела. Производительность заводов резко снижается. Уже в 1778 г. выплавка серебра снизилась до 809 пудов. В последующие годы, несмотря на пуск Локтевского сереброплавильного завода (1782—83 гг.), среднегодовая выплавка серебра вместо прежних 1 072 пудов упала до 634 пудов, а в отдельные годы она доходила до 400 пудов. Золота добывалось в среднем только 1 пуд в год.

Новый подъём горного дела начинается с 1786 г. и продолжается до 1835 года.

С 1786 года производство начинает медленно возрастать. В конце XVIII столетия возобновил работу закрытый ранее Колыванский сереброплавильный завод. В 1795 г. пущен в действие новый Екатерининский сереброплавильный завод, переименованный впоследствии в Гавриловский (по имени его основателя Гаврилы Качки). В 1804—1805 гг. был построен новый Змеёвский завод. В этот же период открываются Риддерский (1786 г.) и Зыряновский рудники. Последний стал основным поставщиком богатой серебросвинцовой руды.

Если в 1785 г. было выплавлено 600 пудов серебра, то в 1789 г. выплавка поднялась до 1 050 пудов, а среднегодовая выплавка в период 1785—1798 гг. достигла 959 пудов. Прибыль Кабинета от выплавки металлов за это время поднялась до 700 тысяч рублей.

Кульминационным пунктом во всей истории горного дела на Алтае явились 1799—1806 годы. Среднегодовая выплавка серебра в этот период достигает 1 153 пудов, чего никогда не было на Алтае. В эти годы был вновь закрыт Колыванский завод.

В 1807—1816 гг. среднегодовая выплавка серебра снизилась до 1 029 пудов. В 1817—1829 гг. принимались энергичные меры для преодоления этого падения и уже в 1830—1835 гг. заводы выплавляли в год до 1 046 пудов.

После этого, начиная с 1836 года, выплавка металлов заметно понижается. До 1863 года длится период застоя горного дела.

В эти годы уровень производства оставался почти постоянным. Если среднегодовая выплавка серебра за 1836—1837 годы составила 1 007 пудов, то в 1838—40 гг. она равнялась 1 004 пудам, в 1841—1846 годах — 1 001 пуду, в 1847—1850 годах — 1 000 пудов, и лишь к 1863 году выплавка несколько увеличилась и достигла 1 018 пудов.

Реакционная политика Николая I приводит к усилению эксплоатации крепостных, к застою техники. Впоследствии, когда Кабинет убедился, что он не получает уже тех баснословных прибылей, которые он получал раньше, делаются слабые попытки поднять горное дело. Для этого требовались значительные затраты и более энергичная ликвидация пережитков крепостного права на Алтае. Однако Кабинет не решился предпринять эти шаги и горная промышленность быстро шла к упадку.

Начиная с 1864 года застой сменяется упадком горного производства и кончается его ликвидацией в 90-х годах XIX века.

Если в 1863 году среднегодовая выплавка серебра равнялась 1 008 пудам, то к 1894 году она падает до 339 пудов. В 60-х гг. XIX века закрывается Томский, а позднее и другие заводы.

В годы своего расцвета Алтайский горный округ занимал одно из первых мест в России по добыче серебра и свинца, хотя на долю Алтая приходилось около 10 процентов общей стоимости продукции всей горной промышленности. Так, заводы Алтая до 1896 года выплавили 124 406 пудов серебра. К этому же году на алтайских приисках было добыто 8 463 пуда золота.

С постройкой в 1771—72 годах Томского завода, в Алтайском горном округе возникает железоделательное производство. До этого железо для нужд округа завозилось с Ирбитского завода. В 1847 году Гурьевский медеплавильный завод был преобразован в железоделательный.

На протяжении долгого периода заводы, работавшие на древесном топливе, уничтожали огромное количество леса. И лишь в 50-х годах 19-го столетия на Гурьевском заводе древесное топливо было заменено каменным углём, а кричный способ производства — пудлингованием. О производительности этих заводов дают представление следующие цифры: в 1860 году они выпустили чугуна 83 818 пудов, железа — 28 343 пуда, стали — 880 пудов, железных изделий — 8 672 пуда, чугунных изделий — 24 480 пудов. Эти данные свидетельствуют о том, что Кабинет не был заинтересован в разви-

тии металлургической промышленности на Алтае. Она призвана была удовлетворять, главным образом, потребности царского имения, и с упадком горного дела Томский завод был закрыт.

В конце XVIII столетия на Алтае возникло камнешлифовальное производство.

Богатейшие запасы яшмы, порфира и мрамора, отличающихся красотой, твёрдостью и способностью к полировке, привлекли к себе внимание Кабинета. В 1786 году при Локтевском сереброплавильном заводе была открыта «шлифовальная мельница», которая в 1800—1802 годах была перенесена в с. Колыванское и получила название «Колыванской шлифовальной фабрики».

В 1786 году было открыто месторождение каргонского серофиолетового порфира, в 1789 — ревдинской зерноволнистой яшмы, в 1802 — тигерецкого (на горе Тигерек), а в 1807 — белорецкого кварцита.

Фабрика работала, главным образом, для удовлетворения потребностей царского двора. Талантливые русские мастера, работавшие на фабрике, создавали высокохудожественные изделия, слава о которых вышла далеко за пределы России. Но никто не знал имени этих замечательных людей, которые в каторжных условиях крепостного режима создавали изделия, поражающие мир своей красотой. Изделия фабрики неоднократно получали награды на всемирных выставках, их охотно приобретали крупнейшие музеи мира.

В 1851 г. изделия фабрики были представлены на Всемирной Лондонской выставке. Фабрика получила медаль 2-й степени. Жюри высоко оценило изделия фабрики:

«...Я не думаю даже, — говорил председатель жюри, — чтобы столь трудные и так хорошо отделанные произведения были когда-либо исполнены со времени греков и римлян».

В 1862 году на второй Всемирной выставке в Лондоне фабрика получила бронзовую медаль с дипломом. В 1882 г. на Всероссийской промышленной и художественной выставке фабрика получила диплом 1-й степени, а на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году — бронзовую медаль.

Одна из колонн, изготовленных фабрикой, находится в залах Кремлёвского дворца. Чаша колыванской фабрики, по своим размерам и художественной отделке не имеющая себе равных в мире, выставлена в Ленинградском Эрмитаже. Изделия колыванской фабрики находятся в Казанском соборе (Ленинград), в ряде крупнейших советских музеев, в лучших музеях мира. За сто лет (с 1802 по 1902 год) фабрика изготовила 247 ваз, 74 колонны, 33 камина и ряд других изделий.

Изделия фабрики ценились сравнительно высоко. Средняя цена колонны определялась в 10 тысяч рублей. Изготовленная

в 1811 году ваза из серофиолетовой яшмы, диаметром в 2 аршина 12 вершков, стоила 12 971 рубль. Такая же ваза из зерноволнистой яшмы, изготовленная в 1819 году, стоила 35 931 рубль.

При наличии дешёвой рабочей силы Кабинет не был заинтересован в техническом оснащении фабрики. Даже по тому времени она принадлежала к числу наиболее отсталых в техническом отношении предприятий. Все работы здесь выполнялись вручную, в лучшем случае при помощи примитивных приспособлений. Даже камни для поделок мастеровые доставляли на себе, волоком. Так, в 1875 году мастеровые таким способом доставили на фабрику монолит из месторождения, находившегося на расстоянии в 30 километров от фабрики. О его размерах можно судить хотя бы по тому, что изготовленная из него чаша весила более 1 200 пудов.

Мастеровые, работой которых восхищался весь мир, были лишены элементарных человеческих прав, влачили нищенское существование, тогда как Кабинет продавал изделия фабрики по баснословно-высокой цене.

Но и в таких условиях талантливые русские люди находили в себе силы создавать прекрасные изделия, куда они вкладывали всё своё творчество, свою мечту о лучшей жизни.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН И МАСТЕРОВЫХ

Горная промышленность Алтая базировалась на даровом труде «приписных» крестьян и «мастеровых» (работных людей). Уже к середине XVIII столетия на Алтае сложился общественный и административный строй, полностью соответствующий духу крепостной эпохи.

Население царского имения делилось на две основные категории — так называемых «приписных крестьян» и «мастеровых».

«Приписные» были не «государственными», а «государевыми» крестьянами, крепостными самого крупного русского помещика — царя. Несомненно, что отнесение крестьян Алтайского горного округа к категории «государственных» не отражало сущности дела. Называть алтайских крестьян государственными крестьянами, а царское поместье — государственным имением понадобилось многим историкам для того, чтобы обосновать отсутствие крепостного права на Алтае.

Уместно заметить, что даже в таком солидном труде, как «История СССР» под редакцией Б. Д. Грекова, этот вопрос не нашёл своего полного и правильного освещения.

В действительности Алтай являлся личным поместьем царя, а не собственностью государства. Земля принадлежала царю. Крестьяне поставляли свои продукты за двадцать—двад-

цать пять процентов их стоимости, несли натуральные повинности. Они не могли продавать или сдавать свою землю в аренду, не могли её покупать. На Алтае юридически не существовало продажи крепостных, но Кабинет имел право отдавать крепостных крестьян в услужение чинам горного ведомства, в мастеровые и т. д.

Первые приписки крестьян к заводам Демидова были произведены в 1740—1742 гг. В 1754 году сюда начинают ссылать старообрядцев, пленных поляков. Местом ссылки тяжёлых преступников Алтай стал с 1755 г. (хотя колодники направлялись сюда уже с первых дней работы заводов). Но в дальнейшем Алтай перестал быть местом официальной ссылки, особенно политической, ибо Кабинет, повидимому, боялся направлять сюда политических ссыльных. Несмотря на это, на Алтае было много каторжников, получавших и отбывавших здесь наказание за побеги с заводов и рудников, за требования улучшить условия труда и быта.

Администрация заводов получила право оставлять для работы беглых крепостных крестьян. Приписка крестьян к заводам (в сущности, их закрепощение) получала всё большее распространение. В 1747 году приписных насчитывалось 3 121 человек, а к началу 1761 г. — уже 10 395 человек.

В 1761 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны было закрепощено всё население Алтайского горного округа. К концу 1761 года число «приписных» составило 40 007 человек. В последующие годы количество «приписных» быстро возрастает.

Ко времени отмены крепостного права на заводах и рудниках Алтая насчитывалось 145 612 «приписных» из общего числа в 300 тысяч крестьян, проживавших на территории Алтайского горного округа.

К отбыванию обязательных повинностей «приписные» привлекались с семилетнего, а с 1849 г. — с восьмилетнего возраста. Население несло до 30 видов повинностей.

«Приписные» обязаны были рубить и колоть дрова для заводов, выжигать и доставлять на заводы древесный уголь, доставлять руду, лес и продовольствие, возить почту и чиновников, прокладывать и чинить дороги, тушить лесные пожары.

На все эти работы крестьяне тратили самое дорогое время года, что вело значительную часть крестьянских хозяйств к прямому разорению.

Затраты на гоньбу на одну платёжную душу доходили во многих местах до 3 рублей. Крестьянам Сростинской волости, Бийского уезда, отбывание наймовой гоньбовой повинности обходилось в благоприятные годы в 6 000 рублей, а в неблагоприятные годы — до 12 000 рублей. Гоньбовая повинность в Сибири, при её редкой населённости, громадных пространствах

и плохих дорогах, являлась одной из тяжких, каким бы способом она ни отбывалась. Крестьяне обслуживали волость, церковный приход, чинов администрации. На крестьянских лошадях ездили в гости, на охоту и по другим личным надобностям.

В 60 гг. назначалось ежегодно 22 970 человек на рубку дров, 64 659 человек на перевозку угля, 45 981 человек на перевозку руд.

Уже после отмены крепостного права, в 1862 году крестьяне доставляли на заводы 270 тыс. коробов древесного угля, около 85 тыс. саженей дров, 4 миллиона пудов руды. Только в 1860 г. было доставлено на заводы топлива и руды общим весом до 10 миллионов пудов.

Особенно тяжёлой повинностью для крестьян являлась доставка руды. Заводы имели так называемых «рудовозов», которым они платили за доставку руды. Но рудовозы доставляли руду с ближайших месторождений, а с отдалённых шахт её возили «приписные» крестьяне.

Так, Барнаульский сереброплавильный завод, расходовавший в год свыше 8 000 пудов руды, получал её с 9 рудников, из которых самый близкий — Салаирский — отстоял от завода на расстоянии 164 вёрст, а такие, как Крюковский и Черепановский — на расстоянии 472 вёрст. В среднем, возчики руды на Барнаульский завод делали в один конец 320 вёрст, на Локтевский — 127 вёрст, на Павловский — 284 версты и на Сузунский — 340 вёрст.

На протяжении столетия, начиная с 1761 и кончая 1861 годом, крестьяне поставляли рекрутов для обязательной работы на заводах и рудниках. Наборы вначале проводились один раз в год, а впоследствии, особенно с усилением золотодобычи, по нескольку раз в год. Первый набор был произведён в 1761 году по норме — 1 рекрут от 150 ревизских душ, а впоследствии — 1 рекрут от 100 и меньше душ.

В первой половине XIX века повинность на ревизскую душу составляла 17 рублей 37 копеек ассигнациями в год, а с переходом на серебряный рубль — 7—9 рублей в год. Если учесть, что на одного работника приходилось от двух до трёх ревизских душ, то эти платежи составляли непосильную тяжесть.

С 1828 г. положение крестьян ещё более ухудшилось. Была введена подрядная система выполнения натуральных повинностей. Это приводило многих крестьян к разорению, а подрядчики быстро богатели. Это был принудительный, неоплачиваемый труд крестьян, или барщина, на крупнейших крепостников России — русских царей.

Закон 1807 года о раскрепощении крестьян, приписанных

к казённым заводам, не распространялся на Алтайский горный округ. Это было не в интересах Кабинета.

Крестьяне и мастеровые не были освобождены от крепостной зависимости и в 1861 году. Для них в этот период только «разрабатывались условия» освобождения. Они были юридически освобождены лишь в 1864 году, но натуральные повинности и подати были заменены оброком. По закону от 27 июля 1861 года, оброчная подать была повышена: вместо 2 руб. 29 коп. с души, как взималось до издания закона, крестьяне должны были платить по 6 рублей в год с ревизской души, причём в государственное казначейство поступало всего лишь 1 руб. 50 коп., а 4 руб. 50 коп. передавались Кабинету.

Тяжёлым оброком преследовалась цель не только пополнить доходы царского Кабинета, но и заставить мастеровых работать на заводах.

После реформы всё крестьянство Алтая осталось на положении крепостных. Изменилась лишь прежняя форма их эксплоатации. Барщина была заменена оброком. Крестьяне не получили земли, которая осталась собственностью царя. Лишь в 1889 году, когда 6-рублёвый оброк был заменён подесятинным налогом, крестьяне были наделены землёй. С 1899 по 1915 год было проведено межевание земель, в результате которого многие земли крестьянского землепользования отошли к царю.

Мастеровые, или, как их называли до XIX столетия, «горные служители», по существу являлись работными людьми, оторванными от своего хозяйства для бессрочной службы на заводах и рудниках царя.

До 40-х годов XIX столетия для мастеровых не был регламентирован срок работы. Они работали до полной дряхлости или до смерти. Впервые в 1849 году было установлено, что мастеровые должны были работать на заводах 35 лет. В 1852 году этот срок был уменьшен до 25 лет.

Только «безупречно» проработавших установленный срок увольняли с заводов, определив им пенсию 2 рубля в год, а иногда и без неё — «За возмездие за службу их быть им на остаток жизни свободными».

К сожалению, этот остаток был слишком мал — человек, проработавший 25—35 лет на заводе, не имел уже ни сил, ни времени долго пользоваться этой «свободой». К тому же людей, проработавших свой срок «безупречно», было очень мало.

Увольняемые «на своё пропитание» не всегда освобождались от некоторых обязанностей. 24 января 1774 года шмельцеру Павловского завода Епифану Ощепкову, 46 лет от роду, был выдан билет следующего содержания: «В службу взят

в 1751 году, из крестьян и по сие время служил при здешних заводах порядочно, а ныне оказался всем корпусом слаб, отчего и пришёл в сущее бессилие и поэтому к службе совсем безнадёжный, от оной службы оставлен вовсе». Уволенному вменялось в обязанность «платье носить немецкое, по миру и по рынкам не шататься, милостыню не просить»[1].

В большинстве случаев увольняемым давались характеристики: «дряхл, всем корпусом слаб, глазами малозрителен», «имеет перелом, в ногах имеет ломоту» и т. д. Имущественное положение мастеровых характеризует «роспись оставшегося по смерти бейгера Ветошкина пожитка», приложенная к рапорту Змеиногорской конторы от 14 августа 1774 г.

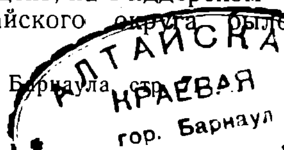
«1) ящик, окованный железом, с внутренним замком, 2) рубашек холщёвых 3, 3) портов холщёвых же ветхих 5, 4) зипун сукна сермяжного, поношенный, 5) опояска, поношенная, 6) камзол синего сукна, поношенный, 7) шляпа, поношенная, 8) шуба баранья, ветхая, 9) плат холщёвый ветхий, 10) шапка кофейного сукна, 11) чирки юфтевые ветхи, 12) зипун ветхий серого сукна; заслужено денежное жалованье в июле месяце 90 коп. с четвертью, в августе 12 и 3/4 копейки».

На заводах и рудниках Алтайского горного округа действовал военно-казарменный режим. Иным путём царское правительство не надеялось удержать угнетённые народы в повиновении. Горное начальство состояло из военных чинов, среди которых было много иностранцев. Облечённое неограниченной властью заводское начальство применяло самые жестокие меры, чтобы заставить людей подчиниться каторжной военно-крепостной дисциплине.

Работа в рудниках была опасной. В начале XIX века в рудниках Алтая хода и галлереи только в главных местах поддерживались деревянными крепями, что очень часто вызывало несчастные случаи. В 50-х годах таких несчастных случаев на рудниках и приисках Алтая было почти в три раза больше, чем в среднем во всей горной промышленности России.

Рабочий день длился 12—13 часов. В рудниках рабочие находились в большой опасности и, как правило, работали в воде, а на заводах — в адской жаре и в отравленной атмосфере. При «огневом действии» и обжигании руд рабочие отравлялись серно-сурьмистым дымом.

К работам, наряду со взрослыми, привлекались и дети, которые использовались, главным образом, на разборке руды. Каждый из них должен был разобрать, например, на Зыряновском руднике 26 пудов кварцевых руд в день, на Риддерском— 34 пуда. В 1833 году на рудниках Алтайского округа было

¹ Г. Д. Няшин. Некоторые моменты истории Барнаула, стр.

1338 несовершеннолетних, работавших на разборке руды и 1272 несовершеннолетних — на заводских работах.

Смертность мастеровых, работавших на алтайских рудниках и заводах, была очень высокой. Большую смертность давали несчастные случаи, много жертв уносили частые эпидемии, возникавшие в результате скученности, грязи, отсутствия элементарной охраны труда. К тому же мастеровые были лишены возможности получать медицинскую помощь.

Положение мастеровых на заводах и рудниках Кабинета было настолько тяжёлым, что многие из них возводили на себя ложные обвинения, чтобы попасть в нерчинскую каторгу и акатуйскую тюрьму.

На алтайских заводах с мастеровыми обращались как с тяжёлыми преступниками. На Змеиногорском руднике, как об этом свидетельствуют раскопки 1948 года, мастеровых за мельчайшие проступки подвергали зверскому наказанию — их приковывали цепями к тачкам и не выпускали на поверхность. Так под землёй они проводили долгие годы, а многие находили здесь и свою могилу.

Многие пытались бежать с заводов и рудников, но это было не лёгким делом. Кабинет не жалел средств на содержание стражи. Заводы охранялись войском, они имели собственную полицию. О её численности даёт представление тот факт, что в 50-х годах 18-го века на каждых 10 мастеровых, занятых в главных производствах, приходился один полицейский.

Несмотря на громадные трудности, мастеровые всё же ухитрялись бежать с заводов и рудников.

В 1824 г. на Салаирском руднике 127 осуждённых имели 188 побегов. Многие из них убегали по нескольку раз. Например, 52 человека совершили второй побег, 31 — третий, 2 — четвёртый, 12 — пятый, 5 — шестой, 4 — седьмой и 3 — от 8 до 10 побегов.

По горному уставу «беглецов» сурово наказывали, пропуская их через строй батальона 6 раз. В общей сложности это означало четыре — четыре с половиной тысячи ударов. Один старый рабочий, бежавший из Змеиногорского рудника несколько раз, вынес до 24000 ударов палками и розгами. Такие наказания во многих случаях кончались смертью. Жестоко наказывали и тех людей, которые скрывали «беглецов».

От невыносимой жизни мастеровые бежали в горы и леса, зачастую пополняя вольные тайные поселения, которые возникли в Сибири ещё в начале XVIII столетия. В глухих ущельях на берегах реки Уймон возникло до 30 тайных поселений. Здесь всегда находили себе убежище обездоленные и преследуемые — старообрядцы, беглые солдаты и крепостные крестьяне. Сюда же бежали мастеровые и заводские рекруты. Люди проникали в самые неизвестные и отдалённые места.

«Сколько бы ни было употреблено изобретательности и остроумия со стороны администраторов и регламентаторов, они не могут заменить народного ума, они не изыщут тех новых путей и троп на своей карте, которые находит народ среди лесов и пустынь, пролагая сам себе дорогу», — писал Н. М. Ядринцев.

Беглые люди долгое время скрывались от царских властей. Это было своеобразное общество «Каменщиков» в «Беловодьи», напоминающее «Сечь запорожскую», с особыми порядками, с неписанными, но строго выполняемыми законами. Беглые занимались земледелием и промыслами. Эти поселения всё больше влекли к себе обездоленный люд.

Алтайское начальство слышало о «каменщиках» ещё в 1761 г. и стремилось силой уничтожить их. Попытки ликвидировать тайные поселения насильственным путём не увенчались успехом, однако дальше жить в них становилось всё труднее. Всё чаще сюда проникали заводские люди и чиновники, особенно после открытия Зыряновского рудника. Оторванность от мира и набеги китайцев заставили поселенцев обратиться к императрице Екатерине с просьбой о приёме их в подданство России. В 1762 г. они были приняты на правах инородцев и образовали две управы — Уймонскую и Бухтарминскую.

Часто беглые скрывались в лесах Барнаула и Змеиногорска, где они нередко умирали от голода и лишений, предпочитая смерть возвращению на завод.

Горнозаводские условия рождали «разбойников» и «воров». Многие из них в одиночку или группами грабили богатых купцов, горное начальство, раздавая взятое бедным людям.

Провинившихся мастеровых жестоко наказывали. Самым распространённым средством наказания была порка. В Барнауле были специальные экзекуционные станки. Наказания мастеровых служили зрелищем для чиновников.

Для наказания находились самые различные предлоги. Часто люди наказывались при совершенном отсутствии «злого умысла». Г. Д. Няшин описывает такой случай. Житель поселения при Шульбинском заводе Василий Белогорцев в 1751 году предъявил серебряный рубль с портретом малолетнего императора Ивана Антоновича, заключённого в 1741 г. в Шлиссельбургскую крепость. За это он был приговорён «к наказанию батожьём». Такой приговор мотивирован тем, что серебряный рубль нужно было сдать на монетный двор или канцелярию в течение полугода, начиная от декабря 1741 года.

В рапорте Колыванской конторы (1750 г.) об исполнении «Указа о телесном наказании» говорится: «Белков и Шапочников высечены плетьми для того, что они люди молодые и в строе рекрутского набора по годности смогут быть взяты на

службу, Ретахин же кнутом, ибо он по его немолодым летам в службе быть не годен»[1].

Наказывали за разговоры во время работы, за невыполнение норм и даже за то, что мастеровые осмеливались называть себя людьми. И в изобретении всевозможных поводов к наказаниям и самих наказаний особую одарённость проявляли начальники—немцы. На Салаирских рудниках, в лютые морозы, мастеровых загоняли в чан с водой, а оставшихся после этого в живых выбрасывали на снег.

Мастеровые жили в грязных, сырых бараках, грелись и сушили одежду у костров.

Особенно тяжело отразилось на жизни алтайских мастеровых открытие Кабинетом золотых приисков. Тысячи людей угонялись добывать золото. Мужей разлучали с жёнами и детьми, а когда ресурсы взрослой рабочей силы истощались, «хватали на улице первых попавшихся подростков, ребятишек, заталкивали на подводы и увозили навсегда от матерей и отцов». На золотых приисках вплоть до 1917 года сохранялся горно-военный режим с телесными наказаниями. Не случайно, именно на золотых приисках Сибири впервые начинаются волнения и революционная борьба.

Таковы были условия труда и жизни рабочих. «Только суровая дисциплина тогдашнего времени и жестокие наказания могли держать людей на месте, иначе все разбежались бы куда глаза глядят» (Из Сборника «Любителей исследования Алтая»).

Рабочий трудился по 12 часов в сутки, но и в остальное время не было для него облегчения. Произвол русского начальства, дополнявшийся притеснениями иностранцев-чиновников, полнейшее бесправие — всё это чувствовалось не только на работе, но везде, где бы ни находился рабочий.

Военно-казарменный режим для мастеровых, закабаление крестьян — неопровержимое свидетельство того, что в Алтайском имении русских царей существовало крепостное право, притом в одной из самых тяжёлых его форм.

ЛИКВИДАЦИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Как уже указывалось выше, во второй половине 19-го века горная промышленность стала приходить в упадок и к 90-м годам Алтай теряет свой горнопромышленный облик.

Кабинет закрывал один завод за другим, переключаясь на более прибыльные занятия. От былой «горной славы» остались лишь воспоминания, а от заводов — груды развалин.

---

[1] Г. Д. Няшин. Некоторые моменты истории Барнаула, стр. 8.

Указом от 25 марта 1893 года были закрыты Барнаульский, Павловский, Локтевский и Змеёвский сереброплавильные заводы. Вместе с этим были ликвидированы конторы округа, а сам он вместо «Алтайского горного округа» начал именоваться «Алтайским округом». Это переименование было утверждено в 1896 году.

Кабинет предпринимал некоторые попытки к восстановлению горного дела путём допуска частных предпринимателей, но сделал это слишком поздно. Первой отраслью, куда были допущены частные предприниматели, являлась золотодобыча.

В 1831 году на Алтайский горный округ был возложен надзор за деятельностью частных золотопромышленников. В 1862 году частным промышленникам представлялись в аренду месторождения золота по правой стороне реки Томи до её притока Болыксы, в районе реки Абакана и её притоков, по рекам, впадающим в Телецкое озеро, по реке Чулышман и её притокам, по верхнему течению Катуни, в районе реки Бухтармы и в других местах.

Начиная с 60 годов, добыча золота частными предпринимателями быстро обгоняла в росте добычу золота Кабинетом. Так, за пятилетие (1891—1895 г.г.) на Алтае было добыто 561 пуд 33 фунта золота, из которых на долю Кабинета приходилось всего 70 пудов 9 фунтов.

Однако, несмотря на наличие богатейших месторождений, добыча золота на Алтае не получила широкого развития даже с привлечением частных предпринимателей.

Причиной этого явились, прежде всего, территориальное ограничение и высокая арендная плата в пользу Кабинета, которая достигала 17 процентов добываемого золота.

Взимая с золотопромышленников высокую арендную плату, Кабинет не требовал от них сколько-нибудь крупных капиталовложений на оборудование. В свою очередь и золотопромышленники не были заинтересованы в правильной эксплоатации месторождений. Они вели хищническую разработку приисков и россыпей, восполняли отсутствие техники усилением эксплоатации рабочей силы. О технической отсталости золотой промышленности свидетельствует тот факт, что из 30 драг, действовавших в 1913 году в золотой промышленности Сибири, на долю Алтая приходилась только одна.

С 1895 года Кабинет привлекает частный капитал к эксплоатации шахт и рудников. Однако, как и в золотой промышленности, частные предприниматели не стремились к развитию и техническому оснащению шахт и рудников. И здесь господствовала хищническая эксплоатация недр, велась разработка на истощение. Многие предприниматели даже не приступали к разработке шахт и рудников, а дробили свои участки и сдавали их в субаренду.

В 1905 году на Алтай впервые проникает крупный иностранный капитал. Кабинет сдал в концессию крупной австрийской компании Турн-и-Таксис Змеиногорскую группу рудников, а в 1908 г. передал ей Риддерский и другие рудники в бассейне реки Бухтармы.

С началом первой мировой войны компания Турн-и-Таксис прекратила свою деятельность.

В 1914 г. Змеиногорский и Зыряновский рудники были переданы Алтайскому акционерному обществу «Русская горно-промышленная корпорация». В Риддерском районе право добычи металлов было передано «Риддерскому горно-промышленному акционерному обществу».

В 1913 году право эксплоатации каменноугольных месторождений в Кузнецком бассейне Кабинет передал акционерному обществу Кузнецких угольных копей. Оно же приобрело Гурьевский завод и получило разрешение на постройку Кольчугинской железной дороги.

С 90 гг. XIX века деятельность Кабинета в Алтайском округе сводилась вплоть до 1914 года к добыче небольшого количества золота в Салаирском районе (не более 2-х пудов в год), штыковой меди на Сузунском заводе, цементной меди на Сугутовском руднике и каменного угля.

Управление вело наблюдение за концессионерами и продолжало в течение ряда лет ликвидацию заводского и рудничного имущества и заготовленных прежде материалов и запасов.

Упадок горного дела и слабое развитие обрабатывающей промышленности явились причинами медленного роста городов Алтая. Так, например, Бийск, основанный в 1709 году, имел к моменту Октябрьской социалистической революции всего лишь 25 тыс. населения. Барнаул, возникший как населённый пункт в 1730 году, насчитывал к 1917 г. 50 тыс. человек, а Камень, который основан в 1670 г., имел всего лишь 17 тыс. человек.

ПРИЧИНЫ УПАДКА ГОРНОГО ДЕЛА

Чем объяснить упадок горного дела, так серьёзно привлекавшего внимание царского Кабинета, российских и иностранных предпринимателей?

Эти ответы мы находим при рассмотрении того общественно-экономического уклада, при котором возникла и развивалась горная промышленность Алтая, при анализе своеобразного проявления пережитков этого уклада, которые смертельно отразились на горной промышленности с возникновением капиталистического способа производства.

Горный Алтай, как и Урал, представлял собой своеобраз-

ный строй организации труда, в основе которого лежало крепостное право.

Анализируя развитие горной промышленности Урала, Ленин писал: «В исходный период пореформенного развития России главным центром горной промышленности был Урал... Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма».[1]

Эти ленинские выводы характерны и для Алтая: основной причиной упадка горной промышленности Алтая явились последствия пережитков крепостного права.

Многие дореволюционные историки, извращая действительность, считали, что причиной упадка горного дела на Алтае являлась отмена крепостного права. Эти неверные выводы повторяли и некоторые советские исследователи.

Не отмена крепостного права, а затяжка в отмене и наличие непосредственных пережитков крепостного строя на Алтае в эпоху капитализма привели к упадку горное дело, которое сравнительно быстро развивалось в первые периоды своего возникновения в результате жестокой эксплоатации крепостных и хищнического использования богатейших природных ресурсов.

В. И. Ленин даёт глубочайший анализ причин отставания пореформенной промышленности Урала: «Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»[2].

Какое влияние оказало крепостное право на развитие горной промышленности Алтая? Почему оно привело горное дело к упадку?

Первой и непосредственной причиной явилось то, что Алтай был личным имением русских царей. Крепостное право здесь возникло вместе с возникновением горного дела и носило своеобразный характер. На Алтае не было обычных помещиков-крепостников, в их роли выступал царь. Он был помещиком, он же был и заводчиком. Ему принадлежало бо-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424, изд. 4.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427, изд. 4.

лее 400 тыс. кв. километров земли, заводы, все лесные, рудные и нерудные богатства. Это наложило отпечаток на весь процесс развития экономики Алтая, так как вся деятельность Кабинета была основана «... не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своём владельческом праве»[1].

Монопольное господство Кабинета привело к замкнутости и оторванности хозяйства округа от общего торгово-промышленного движения времени. Это явилось одной из главных причин упадка горного дела округа в новую эпоху — в эпоху промышленного капитализма.

Свободный доступ капиталов в горную промышленность до определённого времени был запрещён, а позже ограничен. Это отразилось и на положении обрабатывающей промышленности Алтая, которая, ввиду запрещения использования лесов с целью сохранения их для заводов, не получила своего возможного развития.

Монопольное господство Кабинета препятствовало развитию конкуренции, а следовательно, развитию капиталистических отношений и более совершенных способов производства. В условиях вольного найма рабочей силы алтайские заводы потеряли способность конкурировать с частными заводами и рудниками.

С отменой крепостного права заводы и рудники лишились дарового труда «приписных крестьян» и «мастеровых». С распадом крепостной системы организации труда пошатнулась основа больших прибылей от горного дела. «Наиболее отсталыми в техническом и экономическом отношениях были помещичьи, бывшие вотчинные, а также посессионные фабрики. Они в первую очередь и стали ликвидироваться, лишившись в новых экономических условиях основы своего существования— крепостного труда»[2]. Дальнейшее развитие могло итти только на новой капиталистической основе.

На Алтае на длительный период сохранились не только пережитки, но и прямые остатки крепостного права, ибо хозяин поместья стремился оставить в силе докапиталистические порядки, с их примитивной техникой, с личной зависимостью населения, прикреплённого к месту поселения. В результате на Алтае не было подготовлено условий для дальнейшего освоения его богатств.

Упадок горного производства является следствием попыток развивать горную промышленность в новых условиях старыми методами. Поэтому горное дело на Алтае отстало от общего хода технического и экономического развития промышленности России.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 425, изд. 4.

[2] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2, стр. 96.

Одной из непосредственных причин упадка горного дела является примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края.

«Вся алтайская местность, — писал Н. М. Ядринцев, — с горами, долинами, лесами, изобилием минеральных богатств, составляет драгоценный перл Сибири».

На Сибирь, как метко выразился А. И. Герцен, смотрели как на подвал, в котором много золота, много меху, откуда брали, что лежало ближе, что давалось без особых затрат. Официальный отчёт о деятельности Алтайского округа за пятилетие (1905—1911 гг.) отмечает:

«При прежнем заводском производстве извлекали лишь серебро, медь, свинец, золото, ограничиваясь сравнительно небольшим процентом. Цинк же, составляющий почти ¼ всей рудной массы, не извлекался и терялся навсегда». Строевой лес рубили и сжигали на уголь, причём сучья и вершины не использовались. Тысячи гектаров леса уничтожалось пожарами.

Уже через 38 лет после перехода демидовских заводов в собственность Кабинета, в 1785 году, генерал-майор Соймонов писал, что «Колыванский завод, имеющий весьма выгодное положение, за недостатком леса совершенно остановить принуждены, да и от прочих оные на некоторое расстояние удаляться начинают».

Хищническое истребление леса, на которое указывал Соймонов, продолжалось до 1917 года, то есть до ликвидации царского имения на Алтае.

Через 125 лет после Соймонова, в 1910 году один из исследователей Сибири, И. В. Догаев, писал: «Лесов с каждым годом становится менее и менее, беспрестанно горят тайга и богатые боры в разных местах. Целые облака дыма иногда висят над городами, пахнет гарью и солнце получает кровавый отблеск.

Леса много лишь там, где он никому не нужен, где он гниёт на корню и откуда нельзя его вывезти. В сколько-нибудь населённых районах лесов недостаёт для удовлетворения потребностей местного населения. В предгорьях Алтая деревни отапливаются «кизяком». Домов без крыш в сибирских деревнях сколько угодно. Прогрессирующее оскудение лесов, порождая нужду в строительных материалах и в топливе, гибельно отражается на земледелии, уменьшая влажность и открывая поля для ветров».

Но леса уничтожались не только пожарами. Главными истребителями лесов были заводы, которые уничтожали лес, не считаясь с законами его воспроизводства, с породой, с местом произрастания. Горное начальство даже не пыталось использовать огромные возможности для перевода заводов на мине-

ральное топливо. Все заводы, за исключением Гавриловского, работали на древесном топливе.

Хищнически эксплоатировались и рудники. Добыча руды велась только на верхних пластах, после использования которых рудники забрасывались и добыча начиналась на новых, более отдалённых от заводов местах.

В 1849 году Барнаульский сереброплавильный завод снабжали рудой Салаирский рудник, отстоявший от завода на расстоянии 164 вёрст, Змеиногорский — 280 вёрст, Солоновский — 310 вёрст, Крюковский и Риддерский рудники — 470 вёрст.

На Павловский завод руду привозили за 285 вёрст, на Сузунский — за 340 вёрст.

Такое уродливое размещение заводов и рудников могло иметь место лишь при наличии даровой рабочей силы.

С отменой крепостного права заводам и рудникам потребовались колоссальные транспортные средства и более интенсивные методы разработок, для чего Кабинету необходимо было затрачивать средства. Но Кабинет неохотно шёл даже на затраты по ремонту заводов, приходивших в ветхость.

Крупным препятствием на пути дальнейшего развития горной промышленности в пореформенный период была техническая отсталость заводов и рудников.

Даровая рабочая сила и монопольное положение Кабинета тормозили развитие техники, так как дешёвый принудительный труд был выгоднее, чем затраты на усовершенствование техники. Талантливые русские люди, стремясь облегчить тяжёлый труд мастеровых, делали ценнейшие изобретения, но границей их применения служила дешёвая рабочая сила. Отмена крепостного труда потребовала коренного переворота в техническом отношении горной промышленности.

В других районах России процесс перевооружения промышленности после реформы 1861 года шёл быстрее.

На Алтае Кабинет тормозил технический прогресс, сковывал инициативу частных предпринимателей. Чем дальше, тем больше сказывалось несоответствие технической отсталости Алтайских заводов с техническим состоянием заводов других районов России.

Однако Кабинет был противником технического прогресса, он не был заинтересован в оснащении заводов новой техникой. Это также явилось одной из важных причин упадка горной промышленности на Алтае.

В 1882 году Кабинет послал на Алтай комиссию для обследования горной промышленности. Из отчёта комиссии видно, что заводы и рудники Алтая значительно отставали по своему техническому вооружению от всей промышленности России.

Один из членов комиссии, горный инженер Войслов писал о Сугутовском руднике: «Здесь, кроме ветхого дома для уставщиков, никаких строений и устройства не имелось. О Белоусовском руднике, так же как и о Сугутовском, я упоминаю только по обязанности для выполнения инструкции, потому что в механическом отношении здесь упоминать не о чём, а рассматривать эти рудники подробно в хозяйственном отношении неудобно»[1].

О Зыряновском руднике, который давал небольшую часть серебросвинцовых руд, Войслов писал, что «в механическом отношении рудник обставлен плохо... Этот рудник находился на берегу реки Бухтармы, подавал большие надежды, но механических устройств не имеет...» В заключение инженер Войслов указывал, что для развития горнозаводского дела на Алтае «...необходимо прежде всего принять энергичные меры к улучшению механического дела».

«Для применения техники, во всё время существования горнозаводского дела, — писал далее Войслов, — не было сделано подготовительных работ, не было выработано никаких положений, на основании которых можно бы приступить к применению данных современной техники... Мало того, большинство самых важных вопросов разрабатывалось до того неудачно и на результаты немногих удачных попыток усовершенствования дела обращалось так мало внимания, что для применения нововведений в технике Алтая необходимо начать дело с самого начала, т. е. с ассигнований и испытаний»[2].

Из высказываний инженера Войслова видно, что Кабинет не стремился перевооружить горную промышленность Алтая, наоборот, он всячески тормозил развитие техники, глушил таланты русских учёных, изобретателей и техников.

Выдающиеся изобретения славной плеяды русских инженеров и техников — И. И. Ползунова, К. Д. Фролова и других — могли значительно облегчить труд крепостных и двинуть вперёд технический прогресс. Но Кабинет, стремившийся получать высокие прибыли без затрат на технику, путём усиления эксплоатации крепостных, ставил всяческие рогатки на пути реализации этих изобретений.

Жизнедеятельность, энергия, ум и героизм русского народа сказались на Алтае в искусстве колыванских мастеровых, в борьбе бухтарминских поселенцев за свободу, в изобретениях и открытиях.

Алтай явился родиной многих величайших открытий, навеки прославивших русский народ.

В 1765 году в Барнауле великий революционер в технике,

---

[1] Отчёт о поездке в АГО, л. 21.

[2] Там же, л. 48.

гениальный русский теплотехник Иван Иванович Ползунов изобрёл первую в мире пароатмосферную машину непрерывного действия.

Сын солдата, 12-летний Ползунов после учёбы в Екатеринбургской горной школе попадает на Екатеринбургский завод.

С 1747 года его берут в Алтайский горный округ, где он работает мастером по наблюдению за плавильной печью, а с 1750 года — унтер-шихтмейстером. И. И. Ползунов много работал над изучением техники, но способности и напряжённая работа Ползунова не ценились горным начальством. Он жил в тяжёлых условиях, растрачивал свой талант и силы на выполнение мелкой, черновой работы, он получал от 12 до 24 рублей в год, и только с 1756 года стал получать 50 руб. До самой смерти не получил Ползунов обещанную ему Екатериной II награду в 400 рублей.

Много препятствий и трудностей преодолел изобретатель и всё же в 1765 году он закончил проект пароатмосферной машины, а в декабре 1765 года она была опробована. 16 мая 1766 года Иван Иванович Ползунов умер.

Машина была закончена его учениками Левзиным и Черницыным, но после недолгой работы была разрушена. Об экономическом эффекте изобретения Ползунова можно судить по выписке из «Краткого счёта издержек на постройку машины и плавильных печей и прибыли, полученной от работы...»:

«Всего расходов на постройку машины и фабрики — 7 455 руб. 51¾ коп.

Получено серебра и золота на 18471 руб. 62 коп. и за выключкою вышепоказанных расходов имеет быть чистой прибыли — 11016 руб. 10¼ коп.».

«А ежели в сделанных, собранных и действительно имеющихся при большой машине членов той цены, во что они точно коштовали, то-есть 1402 рубля 21¾ копейки, в расход не полагать, а из расходу исключить, потому, что они сами собой на лицо состоят, то имеет быть прибыли 12418-32».

Ползунов горячо любил трудовой народ. Своё творчество и жизнь он посвятил тому, чтобы «облегчить труд по нас грядущим», чтобы «огонь слугою к машинам склонить», а «машину сделать слугою народа».

Великие творческие замыслы И. И. Ползунова продолжал талантливый русский изобретатель Козьма Дмитриевич Фролов (1726—1800 гг.), построивший с 1764 по 1770 г. на Змеиногорском руднике и в его окрестностях ряд фабрик, где руда автоматически дробилась, промывалась и сортировалась. Это были первые в мире автоматически действующие фабрики. К. Д. Фролов построил гидротехнические установки деривационного типа, явившиеся первым в мире каскадным гидротех-

ническим сооружением. В 1770 году он изобрёл пожарную машину, но это изобретение не было осуществлено.

В 1772—73 гг. К. Д. Фролов разработал два проекта механизации горных работ, но проекты были заброшены начальством и лишь в 1776 г., когда Змеиногорскому руднику грозил неминуемый выход из строя в результате затопления, начальство обратилось к Фролову. В это время Змеиногорский рудник давал около 70 процентов руды, и Кабинет не мог его закрыть. В 1786 г. К. Д. Фролов сдал в эксплоатацию величайшее в мире подземное гидротехническое сооружение, которое обеспечивало подъём руды и отливку воды из шахт Змеиногорского рудника. Эта установка действовала 50 лет и поражала специалистов своей грандиозностью, простотой и изяществом конструкции.

К. Д. Фролов построил машину, приводящую в движение бесконечную цепь с бадьями для подъёма руды; он же ввёл в практику крепление подземных выработок плитным камнем и гранитом, построил каменные лестницы для спуска в шахты и вододействующие часы на руднике.

Девиз К. Д. Фролова был тот же, что и у Ползунова: «Облегчить машинами труд людей».

Сын крестьянина Д. Ф. Головин в 1773—1774 гг. построил на Алтае первый в России свинцовый завод с деривационной установкой.

В 1823 году сын барнаульского мастерового Павел Ярославцев построил первую в Сибири фабрику для выделки бумаги, разработал много усовершенствований молотовых и воздуходувных установок. Он же является строителем модели теплового двигателя И. И. Ползунова, которая находится в Алтайском краевом музее.

На Алтае сын Козьмы Дмитриевича, Петр Козьмич Фролов построил первую рельсовую дорогу (1807—1809 гг.), которая использовалась около 25 лет для перевозки руд из Змеиногорского рудника до завода. Это была первая железная дорога не только в России, но и в мире. В США и Англии такие дороги появились лишь спустя 15 лет.

П. К. Фролов предложил гениальный проект строительства железной дороги от Кашино до Змеиногорска. Но на эту идею связи железной дороги с водным транспортом Кабинет не обратил внимания, и она осталась неосуществлённой.

Выдающийся паротехник Степан Литвинов сконструировал на Алтае воздуходувную машину, барабан которой является прообразом современного центробежного насоса. Литвинов является автором идеи горячего дутья при металлолитейном процессе, идеи теплофикации, которые он высказал первым в мире. Его проекты без применения были сданы в архив и обнаружены только в 1948 году.

Пламенные патриоты своей Родины, талантливые русские люди — Ползунов, К. Д. и П. К. Фроловы, Ярославцев, Литвинов прокладывали новые пути в технике. Их изобретения открывали грандиозные перспективы не только для развития горнозаводского дела на Алтае, но и для быстрого роста всей промышленности царской России.

Однако ни Кабинет, осуществлявший управление царским имением на Алтае, ни царское правительство в целом не только не старались реализовать эти изобретения и внедрить их в производство, а наоборот, всемерно препятствовали работе изобретателей, замалчивали результаты их деятельности.

Здесь сказалось пренебрежение к русским учёным, изобретателям, преклонение перед иностранной наукой и техникой. Этому способствовала и официальная наука того времени, в которой иностранцы, преимущественно немцы, играли первую скрипку.

Талантливые изобретатели, работавшие на заводах и рудниках царского имения на Алтае, только после Великой Октябрьской социалистической революции предстали во всём своём величии, как люди, прославившие русскую науку, утвердившие её приоритет в ряде важнейших технических вопросов.

Среди начальства алтайских заводов процветало казнокрадство и взяточничество.

«Признаюсь, — пишет инженер Войслов, — после обследования рудников я не видел ни одной казённой лошади на Николаевском и Таловском рудниках, между тем как на содержание лошадей на водоотлив Таловского рудника расходуется по ведомостям 1881 г. 928 руб. 42 коп.».

На прииске «Чудак», по свидетельству того же инженера Войслова, на водоотлив «за 1881 г. израсходовано 16468 руб. На ремонт каната длиною 100 сажен израсходовано 643 п. 29 ф. пеньки, что соответствует 4000 сажен каната, толщиной в 6 дюймов по окружности. Это уже невероятный факт расхода, оправдание которого я не нахожу возможным».

Великий русский географ Семёнов Тянь-Шаньский, побывавший в Барнауле в 1856—57 гг., справедливо заметил:

«В Барнауле в половине XIX в. горная администрация выработала себе форму самовознаграждения из доходов с крепостного населения округа, явившуюся последствием обязательности крепостного труда».

Одним из способов самовознаграждения, как рассказывает Семёнов, были натуральные трудовые повинности крестьян. Для живших далеко от заводов эти повинности были особенно разорительными. Поэтому вместо выполнения натуральной повинности крестьяне платили специальным подрядчикам, отра-

батывавшим за них эти повинности. На этой операции наживались и подрядчики и чиновники, получавшие крупные взятки от подрядчиков.

Чиновники находили множество путей для увеличения своих доходов. Так, они ухитрялись наживаться даже на транспортировке золота и серебра из Барнаула в Петербург. Караваны с драгоценными металлами отправлялись с Алтая в столицу не менее 5 раз в год.

Как рассказывает один из бытописателей старой Сибири — Кущевский, «...в качестве сопровождающих едут множество чиновников... Приехавший в столицу на казённый счёт, даром, он (чиновник) получает всегда... ещё столько денег, что обыкновенно украшает пальцы своих рук бриллиантовыми перстнями, вешает на грудь золотую цепочку, заказывает три или четыре чемодана платья, не считая того, что он может сорить деньгами в Петербурге до полного пресыщения: бросать десятки рублей с большей лёгкостью, чем плевать или сморкаться».

Запоздалое вступление России на путь капиталистического развития, незаконченность реформы 1861 г. и остатки крепостничества, низкий уровень техники и производительности труда, первобытно-хищническая эксплоатация природных богатств и реакционная политика Кабинета, который смотрел на Алтай, как на сырьевой придаток России, раболепие перед иностранщиной и неверие в творческие силы русского народа, боязнь применения новых изобретений и открытий, — все эти причины обусловили упадок горного дела на Алтае.

Край, располагающий богатейшими ресурсами, в результате хозяйничания царя оставался одной из наиболее отсталых окраин дореволюционной России, в которой царила «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Формирование капиталистических отношений на Алтае

Капиталистический способ производства зародился в недрах феодализма в виде простого товарного хозяйства.

Феодальный строй, внутри которого возникли и развивались новые производительные силы и производственные отношения, всё больше тормозил развитие общества. Его устранение становилось исторической необходимостью, и он был свергнут путём революции, плоды которой достались буржуазии.

«Экономическая структура капиталистического общества, — указывает Маркс, — выросла из экономической структуры

феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»[1].

Для возникновения капитализма, учит марксизм-ленинизм, необходимы: во-первых, наличие рабочей силы, свободной как от личной зависимости, так и от средств производства; во-вторых, наличие класса людей, сосредоточивающих в своих руках достаточно большие капиталы. Кроме того, капиталистическое производство предполагает наличие широкого рынка сбыта продукции.

Возникновение капитализма связано с экспроприацией мелких производителей, и, как говорит Маркс, «история этой их экспроприации вписана в летопись человечества пламенеющим языком меча и огня».

Крупная капиталистическая собственность, как указывает Маркс, рождается на могиле мелкой частной собственности.

В. И. Ленин, анализируя возникновение и развитие капитализма в России, показал, как происходит разложение домашней промышленности и превращение её в мелкотоварное производство, работающее на рынок; как происходит процесс образования и развития мануфактуры, которая затем заменяется крупной машинной промышленностью. Анализ форм промышленности В. И. Ленин начинает с домашней промышленности и ремесла.

«Домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство... Однако сколько-нибудь широкое распространение домашней промышленности можно констатировать в настоящее время только в редких наиболее захолустных местностях; к числу их принадлежала, например, до самого последнего времени Сибирь»[2].

В этот период промышленности, как профессии ещё нет. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя». Ремесло, являясь составной частью городского быта, в значительной степени распространено и в деревне, где служит дополнением крестьянского хозяйства. «Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 720, изд. 1949 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.»[1].

В этой форме нет ещё товарного производства. Здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продаёт полученную за работу долю продукта, покупая себе сырьё, материалы и орудия производства.

Но развитие ведёт к тому, что ремесленник переходит всё больше к производству на рынок. «Дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков; рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка, а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны. Производство продуктов промышленности в виде товара кладёт первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними»[2].

В. И. Ленин показал, что всякий шаг в развитии товарного хозяйства неизбежно приводит к тому, что крестьянство выделяет из себя всё новых и новых промышленников. Этот процесс подготовляет для последующего захвата капитализмом новых областей в наиболее отсталых частях страны или в наиболее отсталых отраслях промышленности.

Рост мелких промыслов в пореформенной России, выражавший начальные шаги развития капитализма, проявлялся двояко: «...во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселённых и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении»[3].

Первый из указанных процессов является весьма характерным для Сибири и особенно для Алтая, как окраины, куда переселялось большое количество населения из центральных областей России. «Центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны»[4].

Разложение крестьянства сопровождается ростом мелких крестьянских промыслов. Ленин отмечает, что по мере упадка натурального хозяйства, виды обработки сырья превращаются в особые отрасли промышленности, что вело к образованию в селе крестьянской буржуазии и сельского пролетариата, к увеличению спроса на продукты мелких крестьянских промыслов, «...доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 286.
[2] Там же, стр. 288.
[3] Там же, стр. 292.
[4] Там же, стр. 292.

промыслов и свободные денежные средства»[1]. Ленин подчёркивает, что **«...тенденция мелкого товарного производства клонится к всё большему употреблению наёмного труда, к образованию капиталистических мастерских»[2].**

«Мы наблюдаем, следовательно, в самых мелких крестьянских промыслах самые явственные зачатки капитализма... Развитие мелких крестьянских промыслов ведёт к тому, что более состоятельные промышленники расширяют спрос на средства производства и на рабочую силу, почерпаемую из рядов сельского пролетариата»[3].

Говоря о простой кооперации, Ленин указывал: «Именно этот исходный пункт капитализма и наблюдается, следовательно, в наших мелких крестьянских («кустарных») промыслах»[4].

Большую роль в возникновении капиталистического способа производства сыграл торговый капитал. Говоря словами Маркса, торговый капитал является историческим и логическим предшественником промышленного капитала.

Торговый капитал возникает вместе с появлением товарного и денежного обращения в далёком прошлом, с разложением первобытно-общинного строя. По мере развития общественного разделения труда, отделения промышленности от земледелия и роста товаров, возникает необходимость в торговых посредниках.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что в силу разрыва между мелким производством и крупным сбытом неизбежно появляется скупщик. Торговый капитал не только исторически предшествует промышленному капитализму, но и логически является необходимым условием его появления. Вызванный ростом товарного производства, торговый капитал оказывал большое воздействие на развитие товарного производства и возникновение капитализма. Он разорял мелких производителей и превращал их в наёмных рабочих, концентрировал денежные капиталы, необходимые для появления капиталистического производства. Проникая в сферу производства, торговый капиталист часто сам превращался в промышленного капиталиста. Купцы основывали мануфактуру, подчиняли себе различными путями мелких производителей.

Торговый капитал до капитализма не одно и то же, что торговый капитал в условиях капитализма. Впоследствии, когда промышленный капитализм одерживает победу, он подчиняет себе торговый капитал и превращает его в своего аген-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 296.
[2] Там же, стр. 303.
[3] Там же, стр. 307.
[4] Там же, стр. 308.

та в сфере обращения. Торговый капитал в условиях капитализма представляет из себя функцию промышленного капитала, обособившуюся в сфере обращения. Это обособление становится необходимым в силу общественного разделения труда.

Но промышленный капитализм возникал, главным образом, и непосредственно из ремесленного и кустарного производства. Расслоение простых товаропроизводителей сопровождалось выделением верхушки капиталистов-предпринимателей, которые всё больше и больше применяли наёмный труд.

Критикуя народников, противопоставлявших кустарную промышленность капиталистической, В. И. Ленин писал: «...целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от «народного производства» до «капитализма»[1]. Таковы, например, Савва Морозов, бывший крепостной крестьянин, Куваевы, Фокины, Зубковы, Кокушкины, Багровы, вышедшие из кустарей текстильной промышленности. Этот же процесс иллюстрируется В. И. Лениным и на примере многих других отраслей.

В. И. Ленин показал, что «В мануфактуре с промышленным капиталом сплетается самыми разнообразными способами торговый, и зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков, начиная от работы по найму в чужой мастерской, продолжая домашней работой на «хозяина», кончая зависимостью по закупке сырья или сбыту продукта»[2].

Одной из особенностей подготовления капиталистического способа производства в России явилось то обстоятельство, что крепостные отношения сохранились здесь дольше, чем в других странах. Это особенно характерно для Алтая. Ввиду этого крупное производство создавалось и получило известное распространение ещё в крепостную эпоху и базировалось на крепостном труде. На предприятиях работали либо крестьяне, принадлежавшие помещику-владельцу предприятия (вотчинная мануфактура), либо прикреплённые крестьяне из окрестных деревень (посессионная мануфактура), либо крестьяне, приписанные к государственному предприятию (казённая мануфактура).

В XVII столетии русское государство значительно расширяется и крепнет. Всё больше расширяется всероссийский рынок. Основным видом крупного оптового торга внутри страны были ярмарки, в том числе Макарьевская и Ирбитская в Западной Сибири.

Пётр 1-й начал создавать казённые мануфактуры: Петро-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 476.
[2] Там же, стр. 381.

заводский, Сестрорецкий, Охтинский и Тульский оружейные и металлургические заводы, уральские и пермские горные заводы, парусные фабрики в Москве, селитренные заводы в Казани и на юге.

Наряду с крепостными, появились и наёмные рабочие. Однако хозяйство в основе своей оставалось ещё натуральным.

Со второй половины XVIII века, когда значительная часть крестьян была переведена на денежную ренту, увеличивается число людей, искавших заработка на фабриках и заводах.

С усилением роста городов во второй половине XVIII века, растёт разделение труда, развивается рынок, идёт быстрый процесс отделения ремесла от земледелия. Из среды земледельцев выходят ремесленники, промышленники, фабриканты. Но несмотря на то, что этот процесс получает своё дальнейшее развитие, капитализм не мог быстро расти, его развитие сковывалось крепостничеством, которое к концу XVIII столетия достигло наивысшего расцвета. Только «После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, ещё задерживавшие это развитие»[1].

Лишь с отменой крепостного права в России создаются необходимые условия для быстрой и массовой пролетаризации крестьянства. Ленин в статье «Крестьянская реформа» показал, что освобождение крестьян от крепостной зависимости, было, по существу, методом освобождения их от средств производства. Обезземеливание крестьян создавало рабочую силу для капиталистического способа производства. Процесс изгнания крестьян с земель и формирование пролетариата проходил в России более длительным путём чем, например, в Англии, и на крепостной основе, т. е. в виде всякого рода «пожалования» государственных земель и обращения в крепостных сидевших на них крестьян.

В 70-х годах XIX столетия предпосылки капитализма проявлялись более чётко. В 1861 году, в результате массового обезземеливания крестьян, формировался в полном смысле промышленный пролетариат, рекрутировавшийся главным образом из крестьян.

Капитализм вырастал на базе простого товарного производства, на базе разложения натурального хозяйства. С момента своего возникновения капитализм предполагает нищету, посредством которой буржуазия вынуждает пролетариев, свободных от крепостной зависимости и средств производства, продавать свою рабочую силу. Освобождение мастеровых и крестьян явилось лишь сменой форм эксплоатации. Рабочий в капиталистическом обществе вынужден попрежнему трудить-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

ся на классового врага и создавать ему богатства, являющиеся средством его дальнейшего закабаления.

Отмена крепостного права создала необходимые предпосылки для быстрого развития капитализма. Но этот процесс тормозился остатками крепостничества. Это особенно характерно было для Алтая.

Незаконченность реформы, остатки крепостничества сдерживали развитие капиталистических отношений на Алтае, где земля попрежнему оставалась собственностью императора — помещика. Крестьяне не могли сдавать землю в аренду или продавать, они даже не могли менять без разрешения своё место жительства.

Алтайские крестьяне стали наделяться землёй с 1899 года, а 6-рублёвый оброк был заменён оброком, взимавшимся с отведённого надела. С 1899 по 1915 год было проведено межевание земель, однако крестьяне, не имевшие земли до межевания, остались попрежнему безземельными.

В 1915 году в округе насчитывалось более 170 тысяч безземельных крестьян. Этот контингент в дальнейшем увеличился за счёт переселенцев и разорившихся местных крестьян.

Таким образом, остатки дореформенных порядков, пережитки крепостничества почти до конца 19-го века тормозили развитие капитализма. Тем не менее, развиваясь, капитализм ломал пережитки старого и властно прокладывал себе дорогу. И для Алтая характерен был сравнительно быстрый процесс формирования капиталистических отношений, отличавшийся некоторым своеобразием.

Сам процесс «освобождения» крестьян и мастеровых затянулся здесь на более длительный период, чем в остальной России. В 1861 году были «освобождены» лишь проработавшие не менее 20 лет, в 1862 году — проработавшие 15 лет и только в марте 1863 года — все остальные.

Крепостное право было отменено, но земля оставалась собственностью царя. Крестьяне, не имея земли, вынуждены были работать на царских заводах и рудниках.

Часто у крестьян отнимались земли и продавались, отдавались в аренду или дарились крупным дворянам-землевладельцам, которые, как гласил закон, «по хозяйственной благонадёжности своей являются желательными, в правительственных видах землевладельцами Сибири». Анализируя этот закон, В. И. Ленин в 1901 году писал:

«Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам-дворянам»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 79, изд. 4.

Эти мероприятия проводились под предлогом создания культурных хозяйств. На самом же деле царскому правительству было «...необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надёжными сторонниками всякого произвола и угнетения»[1].

Именно с этой целью у алтайских крестьян в 1899 г. было отнято Кабинетом одна треть всех земель.

Капиталистическое сельское хозяйство предполагает землевладельца, арендатора и наёмного рабочего. В результате быстрого развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Алтая, появляются крупные колонисты-немцы Мариненбурги, Денгофы, Фриденгаузы и другие. Растут кулацкие хозяйства, растёт, наряду с ними, и сельская беднота.

В Барнаульской волости в 1905 г. половина посевной площади находилась в руках кулацкой верхушки, составлявшей $^1/_6$ всех дворов. Эти кулацкие хозяйства владели 40 процентами скота и тягловой силы, 85 процентами косилок и 75 процентами молотилок. На долю всех остальных дворов приходилось 15—20 процентов сельскохозяйственного инвентаря и 50 процентов посевной площади. В 1893—94 гг. 16 процентов хозяйств Алтайского округа не имели вовсе посевов.

Проф. Л. П. Потапов в своей работе «Очерки по истории алтайцев» наглядно показывает процесс расслоения населения Горного Алтая, тяжёлое экономическое положение алтайцев-бедняков. «Бедные питались травяными кореньями кандыка и сараны, листьями дикого ревеня, наваром перегодовавших под снегом листьев травы бадана, вместо чая с молоком или с солью, много раз перевариваемыми костями животных, употребляемых в пищу богатыми, и лакомились иногда полусгнившим мясом издохшего скота или убитых ими нечистых и отвратительных зверьков всякого рода»[2]. Хлеб и мясо были редко доступны для бедноты.

В «Очерках по истории алтайцев» приводится описание жилища алтайца-бедняка. Оно представляет собою место, где «развешанное мясо издохшего коня или убитого зверя бывает в полном соответствии с посудой, которую никогда не моют, и с кожаными продымлёнными мешками, где помещаются на 6—8 кв. аршин и люди и животные (телята, ягнята, собаки и кошки), где при 30—40° мороза нет ни печки, ни камина, и дым от разложенного посредине огня (особенно при ветре) вы-

---

1 В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 82, изд. 4.
2 Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 304.

едает глаза, где мороз и жар, сходясь вместе, производят на голову самое вредное влияние»[1].

Горно-алтайцы жили кочевой жизнью. Они прикреплялись к определённой территории и платили подати государству. Вместе с этим они были приписаны к зайсану, у которого отрабатывали своеобразную барщину.

«Эта обязанность, — пишет Л. П. Потапов, — была разновидностью отработочной ренты и носила название Ярчы. Сущность Ярчы состояла в том, что каждый алтаец, за исключением богачей, был обязан работать в хозяйстве своего зайсана поочерёдно, по нескольку месяцев (пасти зайсанский скот, заготовлять топливо, седлать коня и т. д.)»[2].

Феодальные отношения на Алтае переплетались с патриархально-родовыми.

Замена отработочной и натуральной ренты денежной в 60-годах XIX века вносит существенные изменения в алтайское натуральное хозяйство. «Вместо уплаты ясака шкурами зверей алтаец теперь должен был вносить деньги, вносить цену этих шкурок»[3].

Переход к денежной ренте способствовал росту товарного производства и торговли. Теперь нужно было производить товары на рынок, чтобы получить деньги. Алтайцы платили ясак, подушную подать, сборы губернские, волостные, на содержание родового управления, на содержание земской гоньбы, церковные сборы, отбывали натуральные повинности. Тяжесть этих сборов усугублялась взяточничеством, вымогательством и произволом царских чиновников.

Всё это вело к разложению натурального хозяйства и к развитию элементов капитализма. К концу XIX столетия 1,8 процента населения — байская верхушка — имела 21 415 голов крупного рогатого скота, а 72,2 процента населения имели лишь 18 168 голов скота. Такое же положение было и с распределением лошадей. Около 11 процентов алтайцев были безлошадными.

Разложению натурального хозяйства и дифференциации алтайцев способствовал русский торговый капитал, разрывавший замкнутость и ограниченность их хозяйства. Здесь особенно проявилось соединение торгового капитала с ростовщическим.

«Трудящийся или сдавал зайсану подать пушниной с тем, чтобы зайсан предварительно реализовал пушнину на рынке, или просто просил зайсана внести за него подать деньгами, а потом расплачивался с зайсаном натурой: скотом, пушниной

---

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 303.
[2] Там же, стр. 307.
[3] Там же, стр. 345.

и т. п., или же обращался к баю-ростовщику»[1]. В результате этого росло батрачество. Продажа рабочей силы становилась необходимым условием для значительной части населения.

«Старая, более или менее однородная скотоводческая масса крестьян-алтайцев, — пишет Л. П. Потапов, — изменялась, разрушалась и на сцену алтайской жизни уже к началу XX столетия выступили новые общественные типы. Это, с одной стороны, новое байство, т. е. байство буржуазного типа, занимавшееся торговлей, ростовщичеством, ведущее товарное хозяйство и прибегающее к эксплоатации чужого труда самыми разнообразными способами, начиная от пользования трудом сородичей под видом родовой, родственной «помощи» и различных кабальных сделок с отработками, и кончая капиталистическим наймом годовых, сезонных, подённых и сдельных сельскохозяйственных рабочих. С другой стороны, появились сельскохозяйственные батраки»[2].

Беднейшие крестьяне не всегда могли выплачивать налоги. Их недоимки росли с каждым годом. В 1870 году крестьяне Томской губернии имели недоимок 39,2 процента к окладным суммам, к 1887 году они выросли до 60, а к 1902 году достигли 103,2 процента.

Натуральные основы крестьянского хозяйства быстро сменялись товарно-денежными отношениями.

Усиление бремени денежных налогов толкало крестьян на рынок, как продавцов своих сельскохозяйственных продуктов, и, одновременно, увеличивало количество людей, искавших сторонних заработков, путём продажи своей рабочей силы.

Перепись 1916 года свидетельствует о сравнительно большом количестве людей, работавших по найму на территории Алтайской губернии: по Барнаульскому уезду работало по найму 3 782 мужчины и 1 761 женщина, по Змеиногорскому уезду — 4 204 мужчины и 1 843 женщины, по Славгородскому уезду — 3 227 мужчин и 2 208 женщин, по Бийскому — 2 343 мужчины и 1 323 женщины. А всего по Алтайской губернии по найму работало 18 807 мужчин и 9 517 женщин.

Увеличивалась зависимость крестьян от владельцев денег, неизбежно принимавшая форму кабалы. На почве постоянной нужды населения в деньгах вырастало и пускало глубокие корни ростовщичество.

«Страдает сибирская деревня от денежной скудности при разнообразных обстоятельствах... Мирские и казённые платежи здесь доходили до 25 рублей на душу; при взыскании их общерусским способом «выколачивания», приходится лишаться кормилец-бурёнушек, самоваров и проч. За бесценок при этих обстоятельствах идут предметы, приобретение которых стоило

[1] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 397.

[2] Там же, стр. 400.

не мало труда... Беспомощно чешет затылок мужик, нуждаясь в «леске» для поправки готовой рухнуть избы.

...Не прежние времена, когда всё было домашнее, самодельное, когда неприхотливая потребность в одежде, обуви, посуде удовлетворялась собственными силами, когда дома делались овечьи шубы, кожаное бродно, ткались холсты, пестряди и шабурина, делались маканцы (свечи), чашки и не только это, но и многое другое, что прежде как будто не требовалось... Надо заметить, что покупая разного рода фабрикаты, деревня сверх нормальной их стоимости колоссально переплачивает. Серый покупатель служит объектом возмутительной эксплоатации со стороны торговцев и других посредников, накидывающих на товар от 50 до 100 и более процентов, успешно сбывающих всякую залежь и брак»[1].

Непомерно большие налоги вынуждали крестьянина продавать свои продукты по дешёвым ценам, так как выжидать благоприятной рыночной коньюктуры слабые хозяйства не могли. В итоге крестьянина ожидала кабала купца, кулака, ростовщика и неминуемое разорение. Владельцы предприятий в городе и кулачество в деревне получали дешёвую рабочую силу, которая формировалась из постоянно разоряющихся крестьян, бывших «работных людей», и ремесленников.

Большое влияние на усиление расслоения алтайской деревни оказало переселение крестьян из центральной России, которым умело пользовались царский Кабинет, кулачество, ростовщики, купцы и промышленники.

Переселение явилось важным фактором в деле развития ремесла на Алтае.

О значении переселения В. И. Ленин писал:

«...развитие переселенческого движения даёт громадный толчок разложению крестьянства... Переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новосёлов в Сибири в первый период их новой жизни)»[2].

Алтай являлся одним из основных районов переселения. С 1860 по 1880 гг. в среднем за год на Алтай прибывало 5 тысяч переселенцев, с 1884 по 1895 гг. — 25 тысяч, с 1896 по 1905 гг. — 47 тысяч, а с 1906 по 1912 гг. ежегодно переселялось более 80 тысяч человек.

Главная масса переселенцев в Сибирь стремилась осесть в Томской губернии. Это видно из распределения прибывших переселенцев в период 1893—1913 годов: в Томскую губернию было направлено 554,6 тысячи человек, в Акмолинскую—320,4 тыс., в Уральскую — 232,8 тыс., в Енисейскую — 186,3 тыс.,

---

[1] Сибирский торгово-промышленный календарь, 1910 г., стр. 83.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 149—150, изд. 4.

в Тобольскую — 159,3 тыс., в остальные губернии — менее чем 100 тыс. человек.

Переселение шло, главным образом, из следующих губерний: Полтавской — 399,5 тыс. человек, Черниговской — 312,8 тыс., Курской — 263,4 тыс., Могилёвской — 254,2 тыс., Воронежской — 230,1 тыс., Киевской — 220,7 тыс., Харьковской — 211,3 тыс. и Екатеринославской — 204,4 тыс. человек.

За переселение правительство взялось лишь тогда, когда всю Россию охватила «аграрная волна».

«Освобождение» привело крестьян к ещё большему ограблению помещиками. Гонимые безвыходной нуждой и безземельем, крестьяне должны были искать исхода, искать земли, к которой можно было приложить свои руки и добывать себе кусок хлеба. «В Сибирь!» — таков был лозунг крестьян, искавших спасения и питавших надежды на лучшую жизнь. Гонимые нуждой вследствие безземелья и помещичьего гнёта крестьяне потоками шли из Европейской России, с той кровной земли, которая облита потоками крови и слёз «русских мужиков» и их предков. Правительство взялось за переселение, но только за переселение. «Я не могу сказать, что оно взялось за устройство переселения, за эту самую важную категорию. Ведь переселить человека из одного места в другое, чтобы он мог трудиться, заниматься и производить... всё равно... то же, что пересадить и дерево, если только его вскопнуть так, как у нас подтачивается корень русского крестьянства в России...»[1].

Переселение на Алтай можно разделить на 3 резко отличных периода. Первый период — переселение до 1865 года, до официального разрешения. Второй период начинается с 1865 года, когда переселение было узаконено положением комитета министров от 30 июля 1865 года. С этого времени и по 1906 год руководство переселением лежало на управлении Алтайского округа. В 1892—1896 гг. переселение было запрещено, но фактически не прекращалось.

Третий период начинается с 1906 года. Указом от 19 сентября 1906 года было признано «необходимым облегчить возможность водворения на незаселённых ещё землях названного (Алтайского) округа переселенцев из внутренних губерний». Руководство переселением было передано от управления Алтайского округа вновь созданному переселенческому управлению.

Менялись условия, менялась политика переселения. Она зависела от аграрной политики самодержавия, а также от положения дел в Алтайском округе.

---

[1] Из речи сибирского депутата Государственной думы А. А. Войлошникова. Журнал «Сибирские вопросы», № 14, стр. 44, 1909 г.

Когда центр тяжести доходных статей хозяйства Кабинета переместился из горного дела в оброчные статьи, было официально разрешено переселение на Алтай. В 1865 г. был подписан указ о переселении в Алтайский горный округ государственных крестьян. Алтай становится крупным колонизаторским центром Сибири. Переселенцы способствовали значительному росту оброчных статей, а также явились источником пополнения рабочей силы для заводов.

Неурожай 1880 г. и голод 1890 г. усилили переселенческое движение. Поток переселенцев увеличивается с проведением железной дороги Челябинск—Новосибирск (1892—96 гг.) и Новосибирск—Барнаул—Семипалатинск (1915 г.). Особенно больших размеров переселение достигло в 1906—1912 гг. Царское правительство, напуганное буржуазно-демократической революцией 1905 г., переселило на Алтай за этот период около 500 тыс. крестьян.

9 ноября 1906 года был издан новый земельный закон о выделении крестьян из общины на хутора. По этому закону разрушалось общинное пользование землёй. Богатые крестьяне получали возможность скупать у маломощных их землю. В результате этого больше миллиона малоземельных крестьян России совсем лишалось земли, а, вместе с этим, выросло количество мощных кулацких хозяйств.

«Если при «освобождении» крестьян помещики грабили крестьянскую землю, то теперь кулаки стали грабить общинную землю, получая лучшие участки, скупая по дешёвой цене наделы у бедноты»[1].

Правительство всемерно помогало кулацким хозяйствам наделами и ссудами, стараясь сделать из них верных защитников царского самодержавия.

В Государственной думе сторонники самодержавия всячески восхваляли политику правительства и её результаты в Сибири. Депутат Государственной думы епископ Митрофан рисовал сибирскую деревню с «дородными лошадями» и «роскошными санями», а всех сибирских крестьян «в тёплых домах», кушающих «жирные пирожки». Только немногие депутаты разоблачали эту ложь и показывали действительное лицо сибирской деревни.

Сибирский депутат А. А. Войлошников, в ответ на выступление епископа Митрофана, говорил: «...депутат Митрофан показал себя большим знатоком Сибири, указывая на то, что крестьяне живут богато, ездят в крашеных санях, кушают жирные пирожки. Весьма возможно, потому, что во время пребывания его там в Сибири, он мог ездить в крашеных санях гос-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 94.

под сибирских кулаков и кушать там жирные пирожки. Но это... не значит, что всё сибирское население так живёт. Если бы он потрудился проехать по всем деревням Сибири, то, я думаю, не нашёл бы ничего подобного»[1].

Раскрывая существо столыпинского земельного закона, А. А. Войлошников говорит:

«Вспомним, как недавно большинство Гос. думы с восторгом приветствовало слова председателя Совета Министров о том, что разрушение общин производится во славу сильных, крепких и зажиточных крестьян, а я прибавлю от себя — будущих мелких помещиков, долженствующих явиться оплотом консервативной политики правительства и отжившего самодержавия...

... Разве эта политика (переселенческая) не руководствовалась интересом только господ помещиков и господствующих классов вообще? Нужны были помещикам слабые и некрепкие крестьяне в качестве дешёвых рабочих рук и правительство всячески тогда старалось затормозить переселение и оставить излишнее население на местах. Но этого мало: оно ещё успешно боролось против самовольного переселения...

Но время изменилось: встал грозной тучей пролетариат и голодающее крестьянство (движение и шум справа) со всеми его последствиями — требованием безвозмездной передачи земли...

Требования безвозмездной передачи кабинетских, монастырских, казённых, помещичьих и других земель, требование земли и воли стали раздаваться со всех концов нашей страны. Вот те начала, ради которых потребовалось откачивать революционное обезземеленное крестьянство на окраины. Правительство и помещики усиленно ухватились за переселение, положив его, наряду с указом 9 ноября, в основу всей аграрной политики. Но там, при проведении указа 9 ноября, внимание всех сосредоточивалось на сильных и крепких, на том, чтобы отобрать земли у слабых и передать крепким крестьянам»[2].

В заключение Войлошников говорит о том, «...что правительство, желая отвлечь внимание крестьян от борьбы за указанное решение аграрного вопроса, подстрекает малоземельных крестьян к переселению, что при современной бюрократической организации переселенческого дела, переселение грозит крестьянам тяжёлыми страданиями по пути и на местах и часто ведёт к их окончательному разорению, что правительство, столь заботливо охраняющее интересы помещиков, насильственно отнимает земли у инородцев и нарушает интересы старожилов; что в некоторых местах правительство своими пе-

---

[1] Журнал «Сибирские вопросы», № 17, стр. 42, 1909 г.

[2] Там же, № 17, стр. 43, 1909 г.

реселенческими мероприятиями преследует чисто политические цели, как то: возбуждение национальной розни между переселенцами и туземным населением, насильственную руссификацию края и прочее; что, таким образом, переселенческие мероприятия русского правительства, как и вся его аграрная политика, преследуют не интересы малоземельных крестьян, а интересы крупных землевладельцев-дворян»[1].

Другой сибирский депутат А. Г. Мягких в своём выступлении, разоблачая епископа Митрофана, указывает, что он не разбирается в переселенческом вопросе, в особенности не имеет никакого понятия об Алтайском округе.

«Я должен напомнить Государственной думе, — говорил А. Г. Мягких, — что крестьяне, живущие на кабинетских землях, юридических прав на эту землю не имеют, а живут и пользуются ею на арендном праве. Откуда же может знать об этом епископ Митрофан? Он может знать только проезжая через сёла, когда впереди проезжают 20 стражников или десятников, за сутки сгоняя крестьянских лошадей.

...И плети стражников гуляют по спинам народа, выгоняют людей и заставляют их вытаскивать столы и расчищать улицы»[2].

Крестьянство в России поднималось на борьбу против помещичьего гнёта, сжигая усадьбы и убивая помещиков. «Помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России»[3].

Огромными потоками двигались переселенцы в Сибирь, однако все их надежды на лучшую жизнь оставались мечтой.

Издержав все свои средства в пути, переселенец попадал в кабалу к сибирским кулакам, купцам и ростовщикам. Большинство переселившихся подвергалось тяжкой эксплоатации, разорялось и жило подаяниями, многие из них умирали от голода и эпидемий. Переселенцы оказались в больших податных долгах, привозимых ими ещё с прежнего жительства.

«...царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними вдогонку, чтобы донять их и на новом месте»[4].

Чтобы добраться на Алтай из Курской губернии, требовалось, по меньшей мере, сотни четыре рублей. А для того, чтобы заработать эту сумму на новых местах, по грубым подсчётам, средней семье надо было работать 5—7 лет.

Но не все переселенцы имели такие деньги и потому они

[1] Журнал «Сибирские вопросы», № 18, стр. 45, 1909 г.
[2] Там же, стр. 48.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 46, изд. 4.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 80, изд. 4.

были вынуждены двигаться пешком, а свои пожитки везти на ручных тележках.

Н. М. Ядринцев, много наблюдавший эти скитания, писал:

«Озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?» С этим вопросом я стоял у берегов обширных и прекрасных озёр на привольной степи Барабы... с этим вопросом стоял я средь цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука, его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любуясь с высот бесконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким оно запало, скрылось, притаилось?!!»[1].

Нам легко ответить на этот вопрос. Крестьяне находят своё счастье повсеместно в нашей стране, где нет помещиков и капиталистов, где народы, руководимые партией Ленина—Сталина, построили социализм и осуществляют строительство коммунистического общества.

Мучения переселенцев не кончались с прибытием в Сибирь. Входя в Сибирь, они уже начинают питаться подаянием по деревням — нищенство составляет профессию переселенцев.

Подавляющая часть прибывших переселенцев не могла обзавестись хозяйством и купить «приговор», который стоил в 70—80 гг. 50—75 и даже 100 рублей.

Нужно было иметь жилище, чтобы скрываться от непогоды, а его строительство обходилось не менее 100 рублей. Переселенцы вынуждены были жить в землянках и шалашах.

В связи с усилившимся переселением. цены на хлеб, сбрую, лошадей быстро возрастали. Переселенцев, не имевших денег, Сибирь встречала кабалой, нуждой и лишениями.

К 1917 г. на территории нынешнего Алтайского края насчитывалось около 200 000 безземельных крестьян. Большая часть населения, имевшая наделы, была лишена собственных средств для их обработки.

Много переселенцев, не сумевших устроиться в Сибири, возвращались в родные места. Так, в 1901 г. из Алтая возвратились обратно 42 процента переселенцев. Эти люди множили ряды пролетариев, искавших применения своей рабочей силы.

Переселенцы проходили в Сибири большой и мучительный путь батрачества, а многие из них уходили на заработки в города. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет зарабатывали от 35 до 70 рублей в год. За зиму взрослым платили не более 20 рублей, а подросткам и девушкам — от 3 до 4 рублей. За сенокос и страду мужчина зарабатывал 10—15, а женщина — 8

---

[1] Н. М. Ядринцев. «На обетованных землях».

рублей. Нередки случаи, когда работник работал у кулака за 5—7 копеек в день. Кулачество убирало свои посевы руками наёмных переселенцев. В 1893—94 гг. только 22 процента крестьян могли обрабатывать землю своими средствами, — остальные шли в кабалу. В их лице кулачество имело дешёвую рабочую силу.

Из материалов переписи 1911 года видно, что от 74 до 80 процентов переселенцев вынуждены были покупать хлеб, 36 процентов мужского населения искали заработков.

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С упадком горного дела, в добывающей промышленности Алтая сохранилась лишь одна отрасль — золотодобыча. В этот период увеличивается значение земледелия и скотоводства, которые способствуют появлению ряда отраслей обрабатывающей промышленности. Царский Кабинет начинает пополнять свои доходы из новых источников, что видно из приводимой ниже таблицы[1].

Годы, виды доходов	1881 год	1883 год	1885 год	1888 год	1890 год	1894 год
Всего доходов (в тыс. руб.)	2144,6	1672,5	2954,9	3049,1	2508,4	2555,7
В том числе оброчные подати с крестьян	804,3	816,0	834,2	864,9	887,9	905,9
За отведённые земли	16,6	14,5	30,9	41,0	45,8	90,6
Попённая плата за леса	33,1	39,5	80,1	105,3	112,7	287,4
Штрафы за самовольную порубку леса	1,4	1,5	3,4	13,3	6,1	18,8
Подати натурой с частных золотопромышленников	—	—	8,8	97,7	84,1	45,2
Подати и аренды	—	—	55,2	80,6	200,1	182,3
Сданное золото рудное	32,2	35,6	86,7	106,9	50,9	42,5
Сданное золото россыпное	91,6	18,8	85,3	161,1	114,5	225,4
Сданное серебро	577,2	458,7	1228,6	1089,4	558,9	29,6
„Медь сузунская“	344,1	198,5	276,5	251,9	193,9	149,5
Свинец	39,9	5,4	6,3	4,1	8,4	10,9
За ренту солёных озёр и продажу соли	11,1	23,9	26,8	12,0	8,8	23,0

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 602, д. 18, лл. 163—165.

За 14 лет — с 1881 по 1894 год, общая сумма доходов составила 35 145 352 тысячи рублей. Израсходовано по смете кредитов — 24 776 891 тысяча рублей. Чистая прибыль выразилась в 10 368 461 тысячу рублей.

Доходы Кабинета быстро возрастали и в последующий период, но менялась их структура. Фундаментом доходов были оброчные подати, аренда, лесные доходы и штрафы. В 1911 г. общая сумма доходов царского поместья составила 3870,5 тысячи рублей в 1912 — 4657,9 тысячи рублей, в 1913 г. — 4271,7 тысячи рублей, в 1914 — 3771,8 тысячи рублей и в 1915 — 3915,8 тысячи рублей.

Чистая прибыль за 15 лет, с 1901 по 1915 год, составила 12728,1 тысячи рублей.

Несмотря на большие возможности, обрабатывающая промышленность в Алтайском округе была развита слабо. Крупной промышленности здесь не было, развивалась, главным образом, мелкая. Это — одна из характерных особенностей всей экономики дореволюционной Сибири и, тем более, Алтая.

Кроме общих причин отсталости, характерных для всей царской России, Алтай имел свои специфические особенности. Царская Россия, занимая 17 процентов территории земного шара, имела в мировом производстве лишь 2,6 процента промышленной продукции. Это не соответствовало ни её территории, ни населению, ни богатствам. Кроме того, эта отсталость быстро увеличилась. Если в 1900 г. Россия отставала по выплавке чугуна от США в 8 раз, от Германии в 6, от Франции в 3, то в 1913 году эта отсталость значительно увеличилась.

Отсталость экономики царской России обусловливалась её социально-экономическим строем и усилением зависимости от иностранного капитала.

Иностранцам принадлежало более 75 процентов крупных российских банков и почти половина всех акционерных капиталов в промышленности. Пользуясь слабостью России, иностранцы всё больше прибирали к своим рукам её богатства. Они получали ежегодно около миллиарда рублей чистой прибыли. К 1914 году государственный долг России составил более 4 миллиардов рублей, а к 1917 году он достиг 12 миллиардов.

Зависимость России ярко выражалась в структуре её импорта: в 1913 году Россия ввозила: свинца 97,4 процента всей потребности, цинка — 90,3, алюминия — 100, продукции машиностроения — 43,6, хлопка — 46,9, чая — 99,1, шерсти — 22,8, бумаги и картона — 26,3, автомобилей — 100 процентов.

Колониальные окраины России ещё больше отставали в своём промышленном развитии. Если в совокупном продукте

России удельный вес промышленной продукции составлял всего лишь 42,1, то для Алтая этот показатель был равен всего лишь 19 процентам. Эта отсталость ещё больше видна из удельного веса городского населения: по Каменскому уезду оно составляло 4,7 процента, Барнаульскому — 11,1, Бийскому — 6, Славгородскому — 3,3, а в среднем процент городского населения был менее 6.

Отсталость обрабатывающей промышленности Алтая, её кустарный характер объясняется тем, что Кабинет являлся противником развития крупной обрабатывающей промышленности.

В то время, когда фундаментом доходов была горная промышленность, Кабинет поощрял хищническое истребление лесов для своих заводов, запрещая их использование частным лицам. Четвёртый параграф кабинетского устава гласил: «На земле ведомства заводского запрещается кому-либо устраивать лесопильные мельницы, винокуренные и другие заводы, требующие огненного действия».

В 1862 году Кабинет допустил частных предпринимателей в некоторые отрасли промышленности, значительно ограничив их инициативу. Было разрешено строить крупчатные, стекольные, салотопные, мыловаренные, лесопильные и некоторые другие предприятия в тех местах, где нет «казённых» заготовок леса. Позднее на таких же условиях было разрешено строительство кирпичных (1870 г.) и гончарных (1893 г.) предприятий. Кроме того, развитие промышленности тормозилось запрещением аренды земли. Это запрещение, установленное в 1828 году, было отменено лишь в 1896 году.

Важным фактором, приведшим к отсутствию на Алтае развитой крупной обрабатывающей промышленности, явилось прикрепление населения к заводам и отсутствие необходимого количества рабочих рук для обрабатывающей промышленности.

Впоследствии, когда Кабинет разрешил допуск (1862 г.) частного капитала и стремился принять ряд поощрительных мер в этих целях, частная собственность на землю, леса и другие богатства сказалась как весьма отрицательный факт. Это выразилось, прежде всего, в высокой арендной плате, налогах и территориальных ограничениях.

С проведением железной дороги появляются некоторые сравнительно крупные предприниматели, которые выбирают наиболее доходные отрасли: крупчатно-мукомольную, винокуренную и ряд других. Ввиду отдалённости, бездорожья и малого завоза товаров из центральных районов, а также большого наличия сырьевых ресурсов, значительное распространение получила мелкая промышленность: маслодельное, пимокатное, кожевенное, овчинное и пищевкусовое производства.

Капитализм на Алтае вырастал, главным образом, на основе земельной эксплоатации и направлял свои усилия на организацию промышленности, основанной на переработке сельскохозяйственного сырья.

Об удельном весе отдельных отраслей «крупной» промышленности в 1913 г. дают представления следующие расчёты:

Если принять всю промышленность за 100 процентов, то на долю лесоразработок и лесосплава приходится 42 процента, промышленности строительных материалов — 0,1 процента, металлообрабатывающей — 1 процент, деревообрабатывающей — 3,8 процента, текстильной — 3,3 процента, кожевенно-меховой и обувной — 5,8 процента, пищевкусовой — 39,5 процента, полиграфической — 1,1 процента, прочих отраслей — 3,4 процента.

Наиболее распространённой в обрабатывающей промышленности была кустарная, на базе которой вырастала впоследствии фабрично-заводская промышленность.

Кустарные промыслы на Алтае основываются почти исключительно переселенцами из центральных областей. В. И. Ленин указывал, что центральные области, «...обладающие вековой промышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны».

В Алтайском округе в 1887 году шерстобитно-пимокатным промыслом занималось 2 030 семей, щепным — 1 501, смолокурением и дёгтекурением — 713, угольным — 709, лесным — 255, кожевенно-шубным, кузнечным и другими — 1489 семей.

Наряду с этим большое число крестьян занималось отхожими промыслами. Таких семей насчитывалось 7 882. Из них извозом занималось 5 019 и работало на приисках 2 763 семьи.

В Барнаульском округе наиболее распространённым являлся шерстобитно-пимокатный промысел, в котором было занято 1 122 семьи. Широкое распространение он получил в Касмалинской, Чумышской, Кулундинской и Николаевской волостях.

Этот промысел имел распространение и в близлежащих к Барнаулу селениях: Ново-Панфиловском, Жилинском и др. Здешние пимокаты работали на городской рынок.

Второе место после пимокатного занимал щепной промысел, им занималось около 1100 семей округа. Он был сосредоточен, главным образом, в селениях Шадринской, Малышевской, Кулундинской и Касмалинской волостей. Главными изделиями щепного промысла являлись сани, деревянная посуда, колёса, телеги, мебель и сельскохозяйственные орудия. В Барнауле, например, выделывалась точёная посуда, плетёная мебель, веялки. Барнаульские мещане часто отправлялись с веялками по сёлам и зарабатывали по 2—3 рубля в день. Значительное распространение получил бондарный промысел,

а в Карасукской, Тальменской, Белоярской, Косихинской, Малышевской волостях — дёгтекурение и смолокурение.

Особенность сравнительно распространённого кузнечного дела состояла в его крайней примитивности и очень слабом отделении от земледелия. Однако были кузнецы, которые работали на рынок. Кузнецы Павловска, Бердска и Тальменки большую часть своих изделий продавали на Барнаульском рынке.

В Сузуне, Миловановой, Никишаевке значительная часть населения занималась гончарным промыслом.

Каменщики, штукатуры и печники имелись по всему округу, но больше всего их было в Легостаевской и Верх-Чумышской волостях.

Большое значение имел овчинно-шубный промысел. Первое место по шубному производству занимал Барнаул, второе — Сузун.

В Бийском округе наибольшее распространение получил, так же, как и в Барнаульском, шерстобитно-пимокатный промысел, которым занималась 701 семья. Только в Сростинской волости, Бийского округа, было 144 шерстобита и 115 пимокатов. В щепном промысле было занято 183 семьи. В с. Загайново, Бийской волости, изготовлялись прялки, станки для тканья холстов, веялки и шерстобитные инструменты. Эти изделия выходили далеко за пределы местных рынков.

В Нижне-Чарышской, Риддерской и Бухтарминской волостях население занималось преимущественно кузнечным делом. Главная продукция этого производства —оковка телег, колёс, выделка зубьев для борон, ковка лошадей и др. Кузнецы города Бийска, работавшие в мастерской Куркова, переселившегося из Рязанской губернии, делали даже конные молотилки. В 1889 году было изготовлено 100 таких молотилок. При продажной цене молотилки в 200 рублей прибыль хозяев мастерских составляла не менее 25 процентов. Такие дорогие машины могли покупать только состоятельные хозяева.

В 1887 году в Бийском округе насчитывалось до 28 кирпичных и 40 гончарных заводов, 70 кожевенных мастерских, из которых 9 находились в г. Бийске. Выделка кож способствовала распространению сапожного промысла. Из 90 человек, занимавшихся этим промыслом в округе, на долю Змеиногорской волости приходилось 65 человек, остальные работали в Сростинской и Чарышской волостях.

В Алтайской волости переселенцы в основном занимались выделкой чистого белого сукна.

С развитием пчеловодства значительное распространение на Алтае получила восковая промышленность. В 1896 г. в Змеиногорске работало 4 завода, выпускавших восковую продукцию. Крупнейший из них давал продукции на 12 тыс. рублей

ежегодно. На этом заводе было занято 2 мастера и 6 рабочих. Сбыт воска производился в Ирбите и во многих других местах.

Одним из крупнейших заводов свечно-сальной и салотопной промышленности на Алтае являлся завод купца Жернакова в Горной Колывани. В 1889—90 годах на местных рынках для этого завода было закуплено 40 тыс. пудов сала и жира. Продукция завода сбывалась как на местных рынках, так и в Енисейске и Иркутске.

В 1857 г. на Оби открылось пароходство, которое дало сильный толчок развитию торговли. В 1854 году пароход «Ермак», выписанный из Бельгии Хаминовым и компанией, совершил первый рейс от Тюмени до Томска и Барнаула. Регулярное движение пароходов начинается с 70-х годов. Открытие судоходства на Оби повлекло за собой строительство речных пароходов.

В 1882 году Корнилов построил пароход «Алтай» мощностью в 100 лошадиных сил, Функ и Щербаков построили пароход «Барнаул» мощностью в 80 лошадиных сил. В 1883 году Функ построил пароход «Бийск» в 60 лошадиных сил. В 1888 г. по Оби и её притокам стал ходить пароход «Первый», в 100 лошадиных сил, бийского гупца Морозова, который через год построил пароход «Второй», в 80 лошадиных сил. В 1889 году Функ и Щербаков построили самый сильный пароход «Заметный», мощностью в 240 лошадиных сил.

Движение судов по Оби и Иртышу значительно усилилось с 1 сентября 1895 года, когда между Омском и станцией «Обь» (Новосибирск) открылось движение поездов.

Большую роль в возникновении и развитии промышленного капитализма сыграл торговый капитал. На Алтае особенно сильно была представлена торговая буржуазия, потому что мелкий производитель оказался оторванным от рынка на многие десятки километров. В. И. Ленин указывал, что «Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»[1].

Монополия торговой буржуазии на Алтае вела местных производителей к полному разорению. Непрерывно росло число крестьян, искавших сторонних заработков. Эти люди являлись неисчерпаемым источником рабочей силы для капиталистического производства. По мере разложения крестьянства и мелких ремесленников, росли промыслы, возрастали масштабы применения наёмного труда как в городе, так и в деревне.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

«Московский торговый капитал, — указывает П. И. Лященко, — заложил основы сибирского торгового капитала сначала скупкой сибирского сырья, а затем организацией сбыта в Сибирь московской мануфактуры».

Многие из мелких торговцев превращались впоследствии в крупных торговых воротил и владельцев предприятий. Вот как П. И. Лященко описывает путь обогащения Второва, фирма которого имела в Барнауле до 6 различных магазинов: «А. Ф. Второв прошёл за свою жизнь весь путь превращения от среднего торговца и до крупного оптовика и торгового воротилы и до финансового организатора различных промышленных предприятий имперского масштаба».

О Второве, как предпринимателе крупного масштаба, можно судить по объявлению, помещённому в № 28 журнала «Алтайский крестьянин» за июль 1914 года:

«Товарищество А. Ф. Второва с с-ми в Барнауле. Оптово-розничные магазины мануфактурных, галантерейных товаров, готового платья мужского, дамского и детского, постоянное получение новостей. **Всегда громадный выбор.**

Отделения: в Томске, Екатеринбурге, Новониколаевске, Камне, Бийске, Иркутске, Чите, Троицкосавске, Сретенске, Верхнеудинске, Барнауле. **Правление в Москве».**

Винокуров, начавший свою деятельность с торговли иголками и мелкими товарами в г. Камне, впоследствии превратился во владельца конных заводов, многих магазинов, маслозавода и банка. Примерно таков же путь барнаульского купца Морозова — владельца 6 различных магазинов, купца 1-й гильдии Полякова — владельца мукомольно-раструсной мельницы и шубно-пимокатного завода, братьев Ворсиных — владельцев кирпичного, а с 1883 года пивоваренного и с 1894 винокуренного заводов и многих других.

В городе Бийске к 1910 году насчитывалось 80 купцов 1-й и 2-й гильдии и много десятков других купцов, получавших за счёт населения большие прибыли. Здесь жили 11 иностранных подданных, связанных с коммерческой деятельностью.

Бийские купцы вели торговлю с населением Горного Алтая. Эта торговля часто носила меновой характер и купцы оказывались в очень выгодном положении. Они за различную мелочь выменивали скот, откармливали его и доставляли в Бийск для продажи или переработки.

С 70-х годов бийские купцы начали вести оживлённую торговлю с Монголией. Торговые обороты с 500 000 рублей в 70-х годах возросли до 3 000 000 рублей в 1910 году.

В Монголию вывозились хлопчатобумажные ткани, сукно, кожевенные и галантерейные товары, скобяные, медные, чугунные и железные изделия, сахар и бакалейные товары, серебро в слитках, мука, крупа, панты и др.

На Алтай из Монголии ввозилась верблюжья и баранья шерсть, овечьи и козьи невыделанные шкуры, сурковые, собо-линые, хорьковые, лисьи и куньи меха. В обогащении купцов большую роль играла скупка местного сельскохозяйственного сырья, особенно зерна, маслосемян, продуктов животноводства. Владельцы крупчатных мельниц оказывались в особенно выгодном положении. Они покупали зерно у крестьян по низким ценам, перерабатывали его в крупчатку и получали громадные прибыли.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Одной из наиболее старейших отраслей промышленности на Алтае является мукомолье.

Развитию крупчатно-мукомольной промышленности способствовал значительный рост земледелия.

На территории Алтая в XIX столетии насчитывалось несколько сот примитивно-первобытных мельниц, призванных обслуживать, главным образом, местные потребности. Средний размер этих предприятий определялся 1—2 занятыми на них работниками.

Первым наиболее крупным предприятием, выпускавшим высокосортную муку, являлась повалихинская мельница, основанная в половине XIX века. В 70-х годах возникает несколько более крупных мельниц.

В Барнаульском округе первые крупчатные мельницы появились в 50-х годах XIX столетия. Старейшая из них была построена около Барнаула купцом Федуловым.

В 90-х гг. XIX столетия, когда получаемая с жерновых мельниц мука не могла конкурировать с мукой вальцовых мельниц ни по качеству, ни по стоимости, возникают 3 вальцовых мельницы: в Повалихе, Зудилово, Чернопятово. Эти мельницы к концу XIX века перемалывали около 3,5 тысячи тонн зерна в год.

Однако мукомольное производство было мелким и технически отсталым.

Во всей мукомольно-крупяной промышленности в 1913 году было занято 229 рабочих, а валовая продукция этой отрасли в неизменных ценах составляла 3 016 тыс. рублей в год. Чтобы охарактеризовать отсталость этого производства, достаточно сказать, что в 1939 г., согласно данным промышленной переписи, валовая продукция мукомольной промышленности социалистического Алтая увеличилась до 70 417 тысяч рублей, т. е. более чем в 23 раза, а число рабочих — в 8 раз по сравнению с 1913 годом.

Одно из самых видных мест в обрабатывающей промышленности занимало производство спирта.

Первый винокуренный завод, Иткульский, построен на Алтае в 1868 году вблизи г. Бийска. Владельцу этого завода, барнаульскому купцу Бадьину горное управление разрешало выкуривать 50 тысяч ведер водки в год с оплатой в пользу Кабинета по 3 копейки с ведра. С 1870 г. плата увеличивается до 5 копеек с ведра.

В 1881 году Кабинет разрешил увеличить производство до 130 тысяч ведер с тем, чтобы водка, выкуренная свыше 50 тысяч ведер, оплачивалась по 10 копеек с ведра, а сверх установленных 130 тысяч ведер, обязательная плата устанавливалась в 20 копеек с ведра. За период с 1881 года по 1894 год на Иткульском заводе выкурено 2 143 755, 29 ведра сорокаградусной водки, а Кабинет получил поведёрной платы в сумме 183 892 рубля 69 копеек. Вскоре Иткульский завод перешёл от Бадьина к компании И. К. Платонова и н-ков Е. И. Судовской. Это был единственный завод в Алтайском округе до 1893 года.

Водка была весьма доходной статьёй. Она продавалась в 7—10 раз выше себестоимости. Ежегодно чистая прибыль компании составляла не менее 250 тысяч рублей. Однако потребность округа в спирте и вине далеко не покрывалась местным производством.

Спирт ввозился (примерно 220 тысяч ведер) преимущественно из Томских заводов, а хлеб для спиртоварения на Томские заводы поступал исключительно из Бийского и Барнаульского округов. Эта уродливость в размещении заводов была обусловлена запрещением строительства заводов на Алтае.

Комиссия 1882 года сделала вывод, что Платонов получает значительные барыши, так как конкурировать с ним было трудно ввиду больших транспортных расходов на перевозку водки, а Кабинет не получал той поведёрной платы, которую он мог получать при свободном винокурении на Алтае.

Начало постройки великого Сибирского пути даёт дальнейший толчок росту винокурения в Сибири. В 1893 году бийский купец Рыбаков открывает винокуренный завод в г. Бийске, в 1894 г. открывается завод Барнаульского торгового дома бр. Ворсиных и Олюниной, в том же году открылся Ключевской завод барнаульского купца Поскотинова.

В 1883 году возникает пивоваренное производство, в 1915 году — дрожжевое.

В 1913 году в спиртовой промышленности Алтая работало 489 человек, в пивоваренно-дрожжевой — 87 человек.

За годы советской власти размеры производства спирта, пива и дрожжей увеличились в несколько раз. Если принять продукцию спиртовой и пивоваренно-дрожжевой промышленности 1913 года в пересчёте на неизменные цены за 100 про-

центов, то уже в 1937 году эта продукция составила 320,4 процента. При этом среднегодовое число рабочих уменьшилось на 45 процентов, что свидетельствует о резком повышении производительности труда.

Кустарное пимокатное и овчинно-шубное производство возникает на Алтае в 40-х гг. XIX века. Развитию шубного производства способствовало обилие дешёвого и высококачественного сырья. Овчины и шубы Алтая славились далеко за пределами России.

Развитие шубного производства получило особое значение после того, как Степан Иванович Гуляев открыл в 1868 году дешёвый способ окраски овчин в чёрный цвет посредством соединения отвара ивовой коры с раствором хромовокислого калия.

Свой метод окраски овчин Гуляев передал переселенцу Ляпину, который вскоре разбогател от шубного промысла. Чёрные шубы получили название «барнаулок».

В 1890 г. в Барнауле было 6 овчинных и 12 шубных заводов. Самый крупный овчинный завод вырабатывал 12 тысяч штук овчин в год. Заметим, что современный овчинно-шубный завод в Барнауле в 1939 году превысил эту мощность в 59 раз.

Начало пимокатному производству положили переселенцы из европейской части России в 60-х гг. XIX века. В 1885 г. Поляков открыл первый пимокатный завод, на котором работало 50 человек, а в 1890 году в Барнауле насчитывалось 10 таких заводов. В общей сложности все 10 пимокатных заводов давали не более 100 тысяч пар валенок в год. Насколько низка была мощность этих заводов по сравнению с современными, видно из того, что один лишь Барнаульский пимокатный завод им. Горького в 1939 году дал 563,5 тысячи пар валенок, превысив, таким образом, в 5,6 раза мощность всех 10 заводов дореволюционного Барнаула.

Кожевенная промышленность насчитывала к концу XIX века 174 кустарных завода, из них 37 находились в Барнаульском округе и 7 — в г. Барнауле. Самым старейшим и крупным заводом того времени являлся завод Сухова, возникший в 1840 году. Этот завод вырабатывал до 8 700 кож в год, а все 7 заводов Барнаула — до 15 000 тысяч кож.

Часть мелких заводов превращалась в более крупные, которые приобретали всё большую силу в конкурентной борьбе и становились в полном смысле капиталистическими предприятиями. Так, завод купца Чувакова, расположенный в деревне Стольниковой, Бердской волости, вырабатывал 1 500—2 000 кож в год. Юфть вывозилась в Китай, а сыромять продавалась на местных рынках. Завод имел 8 рабочих, которые за 12—13-часовой рабочий день получали 12—15 рублей в месяц.

Работа на пимокатных, овчинно-шубных и кожевенных заводах была наиболее изнурительной и опасной. Эти заводы служили распространителями различных болезней. Животноводство в Алтайском округе являлось одной из основных отраслей всей экономики, но велось оно самым примитивным способом. Болезни и эпизоотии животных приводили к большим падежам. В 1913 году 40 процентов свиней болело туберкулёзом, 12 процентов—финозом. Особенное распространение имела сибирская язва. От животных заражались и люди. Так, на каждые 7 случаев болезни животных приходился один случай заболевания людей сибирской язвой.

К началу XX века животноводство на Алтае стало одной из главных отраслей сельского хозяйства. На его основе шло развитие производства сыра и масла.

В конце XIX века заводское маслоделие возникает в Кургане, Тюмени, затем на Алтае. Изобретённый в 1879 году сепаратор дал сильный толчок постройке маслозаводов. Дальнейшему развитию маслоделия способствовало строительство железнодорожной магистрали, которая связала Алтай с мировым рынком.

Вывоз масла с каждым годом увеличивался. Если в 1910 году из Сибири было вывезено 3 195 267 пудов масла, то в 1913 году его вывезли 4 442 700 пудов, а в 1914 году — 3 285 800 пудов, причём половина вывезенного масла приходилась на долю Алтайского округа. Так, в 1913 году из Алтайского округа было вывезено более 2 млн. пудов масла на сумму около 30 млн. рублей.

Масло сбывалось на рынках европейской России, но главная масса (около 80 процентов) экспортируемого сибирского масла шла на мировой рынок, преимущественно в Англию. Более 60 процентов масла из Томской губернии сбывалось в Англию и значительная часть в Германию.

В 1887 году в Сибири был лишь один маслодельный завод. Через 10 лет их насчитывалось 51, в 1913 г. — 3 936, в 1914 г. 4 128. В одной только Алтайской губернии в 1917 году было 900 маслоделов.

Маслодельные заводы делились на артельные и частнопредпринимательские. Начиная с 1906 года, в силу ряда преимуществ, получают развитие артельные заводы. Они в значительной степени вытесняют частные заводы.

Количество артельных заводов быстро росло, вместе с этим увеличивалось и производство масла. Если в 1903 году было 2 артельных завода, производивших 940 пудов масла в год, то в 1906 году их стало 11, с производительностью в 10 260 пудов, а в 1910 году насчитывалось 212 артельных заводов с производительностью в 197 990 пудов масла в год.

Эти заводы объединялись «Союзом Сибирских маслодельных артелей» и «Алтайским союзом кооператоров», вступившими в торговые отношения с английским и другими заграничными рынками.

О значительных размерах производства масла и удельном весе артельного производства свидетельствует тот факт, что в 1914 году «Союз маслодельных артелей» заключил с лондонскими фирмами договор на экспорт одного миллиона пудов масла. В маслодельной кооперации большое засилье имели кулацкие хозяйства, которые владели большим количеством скота.

Буржуазные реформисты, сторонники «кооперативного социализма» объявляли потребительскую кооперацию средством решения социального вопроса. Однако «...достижимые кооперативами улучшения ограничены очень узкими границами до тех пор, пока средства производства и обмена остаются в руках класса, экспроприация которого есть главная цель социализма...». И «...кооперативы, будучи чисто коммерческими учреждениями и в силу давления условий конкуренции, имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества»[1].

Сибирская маслодельная кооперация также превращалась в объединение кулацких многокоровных высокотоварных хозяйств, работающих на экспортный рынок.

Алтайское маслоделие носило примитивный характер и основывалось на низкой технической базе. Обслуживающий персонал маслодельных заводов на 75 процентов был из самоучек. О неподготовленности этого персонала можно судить по объявлению о приёме на курсы маслоделов, проводившихся с 9 сентября по 20 ноября 1914 года в д. Старо-Осинцовой, Барнаульского уезда. Там говорится: «На курсы принимаются лица... достаточно грамотные, знающие четыре действия арифметики...»

В среднем на заводе работали 1—2 работника.

Мелкий характер маслоделия отрицательно сказывался на качестве, стоимости масла и сокращал доходы крестьян, так как издержки производства на мелких заводах были велики, а цены определялись мировым рынком. К тому же цены на сибирское масло были всегда ниже цен на масло других стран. На лондонском рынке в 1913—1914 гг. цена 1 центнера сибирского масла была ниже датского на 22 шиллинга, новозеландского — на 16, австралийского — на 10. Такое соотношение цен было характерно не только для 1913—1914 годов, но для всех лет дореволюционного периода.

Отсутствие на маслодельных заводах Алтая холодильного

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 239, изд. 4.

хозяйства приводило к порче масла и не давало возможности выжидать более благоприятного периода для его продажи. Масло продавалось в период самого интенсивного привоза. Этим снижались цены на масло, а в конечном счёте, и на молоко. В наиболее благоприятном положении оказывались крупные заводы. О влиянии мощности заводов на себестоимость масла свидетельствуют данные о себестоимости масла на заводах Бийского уезда.

Мощность заводов (переработка молока в тыс. пуд.)	Себестоимость 1 пуда масла (в проц.)
До 5	100
от 5 до 10	60,9
от 10 до 20	54,9
от 20 до 40	45,6
от 40 до 50	44,1
Более 50	40,4

В 1910 году за масло, отправленное в Берлин, сибирские артели недополучили 10 процентов его стоимости. И здесь сказались отсталость заводов, отсутствие своих агентов и влияние крупных фирм на покупателей.

Алтайское маслоделие находилось в большой зависимости от иностранного капитала. Иностранные (преимущественно английские) фирмы предоставляли кредит, снабжали сепараторами, тарой. В их руках, в основном, находилось холодильное хозяйство.

Маслоэкспортёры обманывали маслоделов и зарабатывали огромные прибыли.

Все экспортные конторы, скупавшие масло, делились на две группы: фирмы, покупающие для себя, и фирмы, покупающие для других, по заказу, за комиссионное вознаграждение.

В Барнауле находились следующие фирмы по закупке сливочного масла: Б. К. Сиднел, С. Х. Рандрупп, Лунд и Петерсон, датское сибирское экспортное общество, В. В. Кнудсен, Этнар Мортенсен, Карл Юргенсен, сибирская компания, Фиент, Генрих Небенцель, Цейклин, Герман Сиодман, Нерагер, русская экспортная контора Александра Фёдоровича Ворсина и бюро Алтайского общества молочного хозяйства.

В г. Бийске скупкой масла занимались сибирская компания, Нерагер, Иергенсен, Линд, Бландовы, Фиент, Небенцель, Союз сибирских маслодельных артелей и другие.

Растущее бремя платежей вынуждало беднейшую часть крестьянства продавать молоко, несмотря на то, что молоко и молочные продукты по преимуществу являлись основой питания алтайского крестьянства. Это губительно отражалось на здоровье детей. «Квасная и хлебная соска, — писал И. В. Догаев, — особенно так называемый «обрат», чаще и чаще заменяют молоко. Это — жидкость, получающаяся из молока по извлечении из него жировых веществ. Заводчикам она не нужна и потому возвращается поставщикам молока... В сущности, как совершенно непитательная, она не нужна и последним, но принимается за видимое сходство по цвету с молоком и даётся детям как молоко... Если до сих пор неправильность питания и недостаточность ухода сказывались столь печально на детях, поголовно болевших от желудочно-кишечных расстройств и массами умиравших, то ныне, когда к этому присоединяется и недостаточность молока и вредный обрат, положение детей должно ухудшаться и притом в значительной степени. Можно, пожалуй, прямо утверждать, что с появлением благодетельных центрифуг, деревенской матери стало куда труднее воспитывать ребят».

Деревообрабатывающая промышленность Алтая в 1913 г. составляла 3,8 процента в валовой продукции. В этой промышленности на территории теперешнего края было занято всего лишь 96 рабочих. Главнейшей отраслью было лесопиление. Эта отрасль сравнительно молодая. Старейшим заводом явился Барнаульский, основанный в 1896 г. В 1905 г. возникло два двухрамных лесопильных предприятия — в Тальменке и Легостаево на Оби. Всего в Барнаульском округе насчитывалось 7 деревообрабатывающих заводов, в том числе 3 — в Барнауле. Мощность крупнейшего лесопильного завода не превышала производства 34 куб. метров на рамо-смену.

Незначительное распространение получила и кустарная деревообработка, вследствие известного уже положения с лесом. В ней было занято всего до 2 700 человек.

В годы советской власти деревообрабатывающая промышленность получила большое развитие. Уже к 1939 году продукция лесопильной промышленности увеличилась в 22,9 раза. Производство мебели, которой раньше по существу не было, составило около 1,8 млн. рублей в неизменных ценах. Лесоразработка и лесосплав увеличились почти в 8 раз.

Вся продукция металлообрабатывающей промышленности Алтая в неизменных ценах составляла в 1913 году 148 тыс. руб. Предприятия, возникшие для обслуживания строительства железной дороги носили кустарный характер.

Низкий уровень металлообрабатывающей промышленности не позволял производить на месте капитальный ремонт сельскохозяйственного инвентаря, значительная часть которого

ввозилась из-за границы. От этого сильно страдало сельское хозяйство.

Во всём Алтайском округе насчитывалось 1 288 кустарных кузниц и других металлообрабатывающих мастерских с тремя тысячами занятых рабочих.

После Октябрьской социалистической революции металлообрабатывающая промышленность Алтая резко возросла. Уже в 1939 году продукция металлообработки увеличилась в 348 раз. В настоящее время одна лишь система промкооперации даёт продукции металлообработки в несколько десятков раз больше, чем вся металлообрабатывающая промышленность дореволюционного Алтая.

Современные металлообрабатывающие заводы социалистического Алтая оснащены новейшей техникой, их нельзя даже сравнивать с дореволюционными ни по масштабу и технике производства, ни по видам производимой продукции.

В годы сталинских пятилеток в Алтайском крае возникла и получает своё дальнейшее развитие текстильная, тракторная, вагоностроительная, котельная и станкостроительная промышленность.

Возникло и содовое производство в дореволюционном Алтае.

В 1864 году инженер Пранг построил вблизи гор. Барнаула завод по изготовлению соды из глауберовой соли. Это был первый содовый завод не только в Сибири, но и в России.

Производство соды было весьма выгодным, несмотря на то, что завод находился далеко от сырья. Ежегодно с Мармышанского озера, находившегося за 200 километров, на завод доставлялось от 500 до 1000 тонн глауберовой соли, до 450 тонн извести. За доставку одного пуда соли платили 8—10 копеек, за доставку пуда извести — 6—7 коп. Ежегодная прибыль завода составляла не менее 10—15 тысяч рублей. Завод вырабатывал 250—300 тонн каустической и кальцинированной соды в год. Всего за период существования завода было выработано около 30 000 пудов соды.

Завод Пранга по тому времени был хорошо оборудован. Он имел 4-сильную паровую машину, 2 конных привода, 3 содоплавильных и 2 обжигательных печи, 4 заделочных, 20 нагревательных и выварочных котлов, 4 кристаллизаторных аппарата, 3 отстойника, мялку, толчею и мельницу.

Стремясь расширить завод, в 1879 году Пранг купил заграницей паровые котлы. Однако Кабинет не дал разрешения на применение пара, стремясь сохранить леса для серебро- и медеплавильных заводов.

Завод Пранга стал жертвой капиталистической конкуренции.

Уральская содовая фирма «Любимов, Сольве и компания», желая положить конец конкуренции барнаульского завода, приобрела его в 1907 году у наследника Пранга и прекратила работу завода. Наследник Пранга вынужден был дать обязательство не открывать впредь содовых заводов в Сибири.

Так первый содовый завод в Сибири стал жертвой капиталистической конкуренции. Уральская компания стремилась держать в содовом голоде народное хозяйство, чтобы в целях своего обогащения диктовать условия сбыта соды.

Сода является важнейшим продуктом для обрабатывающей промышленности. В царской России производство соды, как и многих других отраслей промышленности, размещалось неравномерно. В Сибирь ввозилось десятки тысяч пудов соды из-за границы. Только в 1913 году из-за границы ввезено в Восточную Сибирь 98 842 пуда углекислой соды и 11 865 пудов каустической. Ежегодно в Западную Сибирь ввозилось из центральных районов и Урала 200—300 пудов соды. Все затраты на перевозку покрывались за счёт потребителей.

С первых лет советской власти были приняты меры к созданию в крае содового производства.

В 1921 г. В. И. Ленин подписал постановление СТО, в котором указывалось, что постройка Петуховского содового завода является срочным делом государственной важности. Здесь же признавалась целесообразность строительства железнодорожной линии Славгород—Семипалатинск, с возможно большим её приближением к месту строительства завода.

В этом постановлении обязывались все главные управления и правительственные учреждения рассматривать в срочном порядке и удовлетворять в первую очередь после военных заказов все требования образованной ВСНХ особой строительной комиссии «Петуховское содостроительство» на материалы и оборудование для строющегося завода, а также и вспомогательных к нему предприятий.

Созданная в крае мощная содовая промышленность занимает видное место в удовлетворении содой народного хозяйства страны.

История спичечной промышленности дореволюционного Алтая похожа на историю содового производства.

В 1898 году предприниматель Попов построил в Барнауле небольшую спичечную фабрику, которая затем перешла к Морозову и работала до 1904 года. Крупный предприниматель, владелец Томской спичечной фабрики Кухтерин, не желая иметь конкурента в Сибири, выплатил Морозову большое вознаграждение за фабрику и в 1906 году закрыл её.

В 1869 году в Барнауле Функ открыл первый в Сибири завод по изготовлению свинцовой охотничьей дроби. До 80-х годов XIX века дробь изготовлялась из местного свинца, в ко-

личестве 10 тыс. пудов в год. После 80-х годов местный свинец уже не отпускался и завод вынужден был работать на английском и немецком свинце. Этим объясняется резкое падение производства дроби, которое снизилось до 2—3 тысяч пудов в год.

С 1883 года на завод начал поступать свинец с Каркаралинского завода Попова. Производство дроби снова увеличилось до 7 тысяч пудов в год. На заводе Функа было занято в среднем 10 рабочих, зарплата которых в зимний период равнялась 12—15 рублям в месяц, несмотря на то, что работа была тяжёлой и вредной.

Во второй половине XVIII века на Алтае началась добыча соли.

По своему характеру Алтайские солёные озёра принадлежат к самосадочным. Весной воды выщелачивают соль из солёных глин окружающей местности, которая в жаркое время даёт садку. Боровые озёра, расположенные вдоль Кулундинской степи (Кочковатое, Малиновое, Горностаево, Петуховское, Кулундинское, Берёзовое и др.) начали эксплоатироваться с 1772 года.

Добыча самосадочной соли в Сибири началась давно. Первоначально были известны озёра, расположенные поблизости к реке Иртышу, являвшейся главным естественным путём сообщения в первые годы колонизации Сибири.

В 1646 году при сибирских солёных озёрах и городских продажах учреждён был надзор за денежным сбором с пуда соли по 15 копеек, вверенный купцам гостиной сотни Еремееву и Третьякову. Это положение было отменено в 1722 году и добыча соли сдавалась на откуп с торгов с тем, чтобы она поставлялась в казённые склады, из которых бы продавалась по цене, сложенной из стоимости заготовления с некоторой наценкой.

В 1871 году заведывание озёрами было поручено Акционерному управлению. С этого времени возникла система сдачи озёр в арендное содержание. В утверждённом 18 ноября 1871 года положении указывалось, что «...озёра, лежащие на землях Кабинета Алтайского горного округа, также назначаются для передачи в разработку частными лицами, но за Кабинетом Его Императорского Величества сохраняется право взять сии озёра, если будет признано нужным, обратно в своё ведение и производить на оных разработку соли по собственному своему распоряжению»[1].

Аммусская система озёр, расположенных на север от боровых (Бурлинское, Чуманское, Большое и Малое Яровое, Кучукское, Лодочное, Круглое и др.), эксплоатируются с 1768 го-

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, д. 18, л. 153.

да. С 1871 года арендаторы, платившие Кабинету попудную плату, добывали соль при помощи сезонных наёмных рабочих. Добыча производилась самым примитивным способом, не только без механизации, но даже без простейших приспособлений. На Бурлинском озере, по свидетельству чиновника особых поручений К. Миротворцева в 1911 году, добыча соли производилась так же примитивно, как прежде, «не было ни тачек, ни мостков для вывозки соли из наиболее топких мест, ни деревянных мостов для выезда из озера в топких берегах, ни амбаров для ссыпки соли»[1].

За вредную и тяжёлую работу сезонным рабочим арендаторы платили от $5^1/_2$ до 7 рублей за 1000 пудов добытой, вынесенной на берег и сложенной в бугры соли. Отпускная цена 1 000 пудов соли доходила до 270 рублей, плата Кабинету — 10 рублей.

Размеры добычи соли, учитывая её огромные запасы и большие потребности населения, были невелики. За 14 лет, с 1881 г. по 1894 г., добыто 13 431 857 пудов поваренной соли.

Всего за 31 год — с 1881 по 1911 г. — было добыто 27 324,4 тысячи пудов поваренной соли и 3 479 тысяч пудов глауберовой. Среднегодовая добыча соли за этот период составила: глауберовой — 112,2 тысячи пудов, поваренной — 881,3 тысячи пудов.

Поваренная соль добывалась, главным образом, в Бурлинском, Ломовом, Кочковатом и Печатном озёрах. Из всей добытой за 21 год — с 1891 по 1911 год — поваренной соли (16 712 369 пудов) на долю Бурлинского озера приходилось 11 075 427, Ломового — 2 196 227, Печатного — 1 706 643, Кочковатого — 1 630 748 пудов и лишь незначительное количество на такие озёра, как Кучукское (31 800 пудов), Берёзовое (19 604 пуда), Горностаево (47 064 пуда), Петуховское и др.

Глауберова соль до 1878 года добывалась из Мало-Мармышанского озера, а после того, как оно было завалено и заброшено, добыча стала производиться из Большого Мармышанского озера.

Несмотря на большие запасы алтайской соли, её среднегодовая добыча не превышала 0,7—0,8 процента всей добычи России. Соль Алтайского округа, вследствие плохой организации добычи, не отличалась хорошим качеством и не могла конкурировать, например, с семипалатинской. Об этом свидетельствует и прогрессивно возраставший остаток нереализованной поваренной соли. Если к началу 1881 года остатки составляли 860,1 тысячи пудов, то к началу 1883 года их было 1328,3 тысячи пудов, а к январю 1889 года остатки достигали 2234,8 тысячи пудов.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 602, д. 18, л. 157.

В 1910—11 годах было добыто, например, 1 680 235 пудов соли и лишь 224 645 пудов было реализовано. Причина такого слабого сбыта заключалась в том, что соль, несмотря на свои превосходные естественные качества, плохо промывалась и была крайне загрязнённой, к тому же соль плохо хранилась. Наконец, соль, добывавшаяся в Алтайском округе, не могла конкурировать, например, с семипалатинской потому, что её месторождения находились в невыгодном положении с точки зрения транспортировки.

Озёра Алтайского округа находились далеко от водного пути и ещё дальше — от железнодорожного. С солью боровых озёр легко конкурировала в районах Змеиногорска и Бийска карабашская соль. Большое значение на реализацию соли оказало и то обстоятельство, что в 90-х годах XIX столетия сдача в аренду алтайских солёных озёр была прекращена и арендаторы перенесли свою деятельность на озёра Семипалатинской области. Добыча соли на озёрах Семипалатинской области стала быстро возрастать. На одном лишь Корьяковском озере в 1907 году было добыто две трети общего количества соли, добываемой в Западной Сибири.

Семипалатинская соль начала вытеснять алтайскую не только с рынков Тобольской губернии, но и с многих рынков Томской губернии, где она продавалась по более низкой цене.

Арендным способом добывалось значительно больше соли, нежели хозяйственным. Так с 1881 по 1894 год арендным способом было добыто 11176 340 пудов, а хозяйственным — всего лишь 2 255 517 пудов.

Производство соли в Алтайском округе было подчинено интересам Кабинета — собственника алтайской земли. Примитивность добычи находилась в тесной зависимости от этих интересов.

За период с 1881 по 1894 год доход по Алтайскому округу от ренты солёных озёр и от продажи соли составлял 216 984 рубля. Если из этой суммы исключить 73 340 рублей, затраченных на добычу, транспортировку соли и т. д., то чистая прибыль составит 143 644 рубля, или более 10,2 тысячи рублей в год.

После Великой Октябрьской социалистической революции соляное производство на Алтае получило широкий размах и превосходит среднегодовую добычу 1901—1911 годов почти в 7 раз. Эта отрасль производства в будущем имеет большую перспективу, особенно в связи со строительством Южно-Сибирской магистрали.

В 1899 году на территории Алтайского горного округа были обнаружены залежи «горного льна» — асбеста. В этот же период в Петербурге было создано общество «Уралит», занимавшееся изготовлением огнеупорных строительных материа-

лов. Оно снарядило на Алтай экспедицию под руководством инженеров Горовского и Венденбаума для обследования залежей, после чего права на асбест были приобретены братьями Имшенецкими, которые образовали «Южно-Алтайское асбестовое общество».

В 1908 году в Уймонском районе было добыто около 1500 пудов асбеста. Летом 1909 года асбестовый завод сгорел, а Общество распалось.

* * *

До Великой Октябрьской социалистической революции Алтай являлся одной из самых отсталых окраин царской России.

В эпоху промышленного капитализма Сибирь и, в частности, Алтай оставались отсталой колониальной торгово-сырьевой базой, снабжавшей страну сельскохозяйственным сырьём, а также рынком сбыта продуктов лёгкой промышленности.

Характеризуя развитие хозяйства Сибири П. И. Лященко указывает, что «Промышленный капитализм, не только не создал в этой богатейшей колонии своей второй (после Донбасса и Криворожья) необходимой ему металлургической и топливной базы, но вообще не сумел промышленно её освоить»[1].

Несмотря на то, что Алтай явился первым районом горного дела Западной Сибири, в эпоху промышленного капитализма он имел типичные черты отсталой земледельческой колонии Российской империи. На Алтай ввозились из метрополии почти все заводские, фабричные и мануфактурные изделия, а также продукты пищевой промышленности. Большая часть этих товаров доставлялась из Москвы, Нижнего Новгорода и Ирбита.

Горный Алтай был богат хлебом и маслом. Однако население часто голодало и умирало от этого. Болезни и эпидемии уносили ежегодно тысячи человеческих жизней.

На примере дореволюционного Алтая можно видеть наиболее мрачные стороны колониальной политики царизма, его варварское отношение к природным богатствам и людям, уродливое размещение и однобокое развитие производительных сил.

Великий революционер-демократ Герцен писал: «Мертвящее царское правительство, делающее всё насилием, всё палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлёк бы Сибирь с американской быстротой вперёд».

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала толчок этому развитию, причём толчок такой силы, которой никогда не знала и не может знать буржуазная Америка.

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2, стр. 532.

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Трудящиеся Алтая вписали не мало замечательных страниц в историю борьбы за власть Советов.

В 1905 году оформилась Барнаульская организация РСДРП, которая к началу 1906 года насчитывала в своих рядах более 100 человек. Ею руководил томский студент-большевик Маслов, участник 5-го Лондонского съезда РСДРП, состоявшегося в мае 1907 года. Возникновение и революционная борьба большевистской организации Алтая тесно связана с именем трибуна революции, соратника Ленина—Сталина — С. М. Кирова, который с 1904 года работал в Томске.

Барнаульский Комитет РСДРП развернул большую работу среди рабочих пимокатных, шубных и лесопильного заводов, являвшихся основным ядром городского пролетариата. Опираясь на рабочих, комитет вёл широкую пропаганду идей большевизма среди крестьян. Были созданы пропагандистские солдатские и крестьянские группы. В начале 1906 года 30 социал-демократических групп в деревне объединились в Бийскую группу РСДРП.

Большевики Алтая вели неустанную борьбу с предателями рабочего класса, поднимали трудящихся против эксплоататоров, разоблачали лживые утверждения о возможности добиться коренных преобразований конституционным путём, сплачивали революционные силы, укрепляли связи рабочих с крестьянами и готовили их к вооружённому восстанию.

Большевики на близких примерах тяжёлого экономического и политического положения трудящихся Алтая раскрывали сущность политики царизма. Они разъясняли, куда идут огромные народные подати и создаваемая рабочими прибыль.

В 1906 г., призывая трудящихся к бойкоту I Государственной думы, Комитет РСДРП в листовке «Идти ли в Государственную думу?» писал: «Почему правительство и собственники так ухватились за Государственную думу? Правительство допускает думу не из милости, а как неизбежное для него зло. Правительство испугалось революции, оно принуждено уступить напору объединённых сил народных масс. Боясь совсем лишиться власти, оно спешит поделиться ею, но поделиться не с народом (правительство боится народа), а только с верхушками, с представителями капитала, с богачами...

Эта дума служит прямым интересом верхушки капиталистов, которые вместе с правительством стремятся поудобнее устроиться на всевыносящей спине русского народа».

18 января 1905 года под руководством С. М. Кирова в Томске прошла вооружённая демонстрация. По примеру трудящихся Томска поднимался рабочий класс других городов Сибири. В августе 1905 года рабочие алтайских лесопильных

заводов включились в общую августовскую стачку. К ним присоединились рабочие других предприятий.

Власти всячески старались разжигать национальную рознь, чтобы расколоть единство народа в борьбе за свои права. 20 декабря 1905 года на Змеиногорской ярмарке полиция попыталась натравить алтайцев на русских, но это превратилось в бои рабочих и крестьян с полицией. Они разгромили и сожгли дом исправника, контору, имение и квартиру управляющего имением.

В Бийске тысячная демонстрация освободила трёх заключённых, которых пронесли по городу с красными флагами и революционными песнями. Демонстранты сняли с помощника начальника жандармского управления погоны, сломали шашку, посадили его в повозку, привязали метлу и отправили за город.

24 октября начальник Алтайского округа сообщил в Петербург, что «Томские и Новониколаевские лесопильные заводы забастовали... в Барнауле начались беспорядки с ежедневными манифестациями... Волнения продолжаются. Успокоительные меры принимаются».

Вслед за рабочими поднималось крестьянство. Волнения крестьян в октябре 1905 года распространились по всему Алтаю. Крестьяне требовали земли, которая находилась в собственности Кабинета, леса и уничтожения повинности. Чтобы ослабить крестьянские волнения в стране, царь издал 3 ноября 1905 года манифест о сокращении с 1 января 1906 года выкупных платежей и о прекращении взимания их с 1 января 1907 года. Но этот манифест не распространялся на алтайских крестьян: царь не хотел лишаться больших доходов.

6 марта 1906 года начальник Алтайского округа рапортовал в Петербург: «Крестьяне порешили ни копейки не платить арендных денег управляющим имениями, а лесами пользоваться бесплатно, кому где вздумается».

С особой силой крестьянские волнения на Алтае развернулись после возвращения демобилизованных солдат Дальневосточной армии. Солдаты срывали портреты Николая II, отказывались от платежей, громили конторы и уничтожали списки налогоплательщиков.

Революционная борьба трудящихся против царского самодержавия пробуждала национальные меньшинства Сибири. Горноалтайцы выставили требования ликвидации национального гнёта и грабежа, организации школ на родном языке и свободы вероисповедания.

Пользуясь революционным настроением алтайцев, буржуазные националисты стремились отторгнуть Алтай от России. Они создали новую религию «бурханизм», проповедующую

приход нового бога — освободителя. Буржуазные националисты готовили не свободу народам Алтая, не победу революции, а передачу Алтая японскому империализму. Но алтайцы, по примеру русских трудящихся, восставали как против царизма, так и против местной национальной буржуазии. Планы буржуазных националистов-бурханистов, злейших врагов народных масс, позорно провалились.

Февральская буржуазно-демократическая революция освободила народы Алтая от царя-помещика, но только Великая Октябрьская социалистическая революция освободила их от гнёта капиталистов, только она принесла народу экономические и политические свободы.

В марте 1917 г. эсеры и меньшевики создали в Барнауле так называемый «Комитет общественного порядка», который стремился в неприкосновенности сохранить старые порядки, существовавшие в царском поместьи.

Наряду с этим был создан Барнаульский совет рабочих и солдатских депутатов, но и в Совете большинство принадлежало эсерам и меньшевикам.

Большевики готовили массы к социалистической революции. Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции, 7 декабря 1917 года в Барнауле был образован Военно-Революционный Комитет. Под руководством большевиков он развернул борьбу за создание на местах Советов рабочих и крестьянских депутатов.

В январе 1918 г. первый губернский съезд Советов провозгласил власть Советов на территории всей Алтайской губернии.

В 1918 г. был утверждён план развития экономики и культуры Алтая. Началась созидательная работа, но её прервала гражданская война.

Трудящиеся Алтая вместе с Красной Армией вели упорную борьбу с Колчаком — слугой капиталистов и помещиков России и иностранных государств. 18 июня 1918 года белогвардейцы с помощью чехословаков заняли Барнаул. С осени 1918 года установилась кровавая диктатура Колчака, которому расчищали дорогу кулачество, меньшевики и эсеры. Наступили самые мрачные дни в жизни Алтая. Повсеместно начались кровавые расправы с большевиками и трудящимися, ставшими на сторону большевиков.

В августе 1918 года в Томске созывается конференция сибирских большевиков. Представителем от Барнаульской организации была Алексеева (ранее присланная из Петрограда). Конференция приняла единодушное решение об организации вооружённого восстания. В январе 1919 года создаётся Урало-Сибирское бюро ЦК по руководству работой большевистской организации на захваченной Колчаком территории.

Большевики Алтая вели большую, неустанную работу сре-

ди рабочих и крестьян. Барнаульский Комитет большевиков являлся вдохновителем и организатором вооружённых выступлений рабочих и крестьян. Борьба против Колчака всё больше и больше выливалась в мощную партизанскую войну. В начале сентября 1918 года под руководством большевиков началось Чернодольское восстание в Славгородском уезде. Был занят город Славгород. Но восстание было подавлено войсками атамана Анненкова. Большое мобилизующее значение имел героический рейс по территории Алтая партизанского отряда кольчугинских рабочих под руководством рабочего Петра Сухова, которого народ заслуженно назвал «Алтайским Чапаевым».

В конце 1918 года создаётся партизанский отряд, командиром которого был избран Е. М. Мамонтов. Этот отряд быстро завоевал всеобщую известность среди народных масс Алтая своими героическими выступлениями. Отряд Е. М. Мамонтова явился базой для создания партизанской армии Алтая. Боевой соратник Мамонтова, И. В. Громов организует выступление партизан в районе Камня. 9 сентября 1919 года главный штаб объединил действия отрядов Мамонтова, Громова и других. В Горном Алтае объединённые партизанские отряды Никифорова и Кокорина слились с уймонскими партизанами. Образовалась партизанская дивизия Горного Алтая, которая в ноябре 1919 года влилась в армию Мамонтова. Отряды Чумышских партизан, объединённые в дивизию, возглавлял талантливый командир, посланник большевиков Барнаула Ворожцов — «Анатолий».

2 августа 1919 года партизаны Барнаульского района захватили село Чистюньку и создали главный военно-революционный штаб. Командующим был избран К. М. Брусенцев, начальником штаба — Архипов. Штаб принял решение об организации Советской власти, углублении и расширении революции. К повстанцам присоединялось одно село за другим. 29 августа 1919 года Зиминский отряд после упорных боёв соединился с отрядом Мамонтова в селе Мельниково, где был создан объединённый штаб. Командующим был избран Мамонтов, а начальником штаба и комиссаром — Архипов.

Под ударами Красной Армии 11 ноября 1919 года Колчак бежал из Омска. Усилилось дезертирство из колчаковской армии. В ноябре 1919 года восстал 43-й полк в Поспелихе, к нему присоединился 46-й, затем Славгородский, которые перешли на сторону партизан. В ноябре 1919 года Барнаульский Комитет большевиков даёт указание партизанам выходить к железнодорожной линии и начинать наступление на Барнаул, Бийск, Рубцовск, Славгород, а также на Камень и отрезать пути колчаковским войскам. 19 ноября партизанами был взят Славгород, 28 — Камень, 3 декабря — Семипалатинск. 10 де-

кабря 1919 года части Чумышской дивизии под командой Анатолия заняли станцию Тальменку и объединились с войсками Красной Армии. 9 декабря колчаковцы начали отход из Бийска. Армия Мамонтова, руководимая подпольным Барнаульским Комитетом большевиков, 10 декабря 1919 года заняла Барнаул. Власть перешла в руки Революционного Комитета.

Разгром Колчака был обеспечен успехами Красной Армии, которой руководили величайшие вожди Ленин и Сталин.

Победы партизан Алтая объясняются тем, что трудящиеся Алтая, как и все народы нашей страны, горячо поддерживали великие идеи Ленина—Сталина. Рабочие и крестьяне Алтая развернули мощное партизанское движение, которое повседневно направляли подпольные большевистские организации, действовавшие под руководством Центрального Комитета большевистской партии.

После победы над Колчаком трудящиеся Алтая приступили к мирному строительству. Под руководством партии большевиков они добились на всех этапах социалистического строительства замечательных успехов. За годы социалистического строительства Алтайский край из отсталой окраины стал одним из богатейших районов нашей великой Родины.

* * *

За годы социалистического строительства в корне изменился промышленный облик Алтая. Он превращается в край всесторонне развивающейся промышленности.

С первых же лет советской власти развернулось новое промышленное строительство и реконструкция старых предприятий Сибири. Всё больше приводились в движение её богатства.

Необходимым условием быстрой индустриализации страны явилось создание на Востоке второй угольно-металлургической базы. В 1929 году был заложен один из крупнейших в мире Сталинский металлургический комбинат, вводились в строй новые шахты и рудники.

В годы первой пятилетки была построена Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая хлебные и лесные районы Западной Сибири с хлопковыми районами Средней Азии. Подъём хлопкового хозяйства в Средней Азии и улучшение транспортных связей с Сибирью создали условия для развития текстильной промышленности в Сибири. Её первенцом явился Барнаульский меланжевый комбинат.

В широких масштабах осуществлялась реконструкция старых предприятий. На базе мастерских выросли Алтайский металлообрабатывающий (ныне тормозной завод), Барнаульский вагоноремонтный и судоремонтный заводы. Были построены сахарные заводы, Михайловский и Петуховский содовые за-

воды, десятки льно- и пенькозаводов, маслодельных и сыроваренных механизированных предприятий.

В первой пятилетке были введены в строй значительные производственные мощности. Основные средства промышленности в 1932 году возросли в 4 раза. Предприятия оборудовались новой техникой.

К этому периоду была завершена в основном коллективизация крестьянских хозяйств, увеличилась товарность сельского хозяйства. Рост продукции сельского хозяйства увеличивал дальнейшие возможности развития промышленности.

В годы второй пятилетки осуществлялось новое строительство, а старые предприятия оснащались новой техникой. В 1935 году вступил в строй меланжевый комбинат, который значительно изменил отраслевую структуру промышленности края. К концу второй пятилетки текстильная промышленность составила более 20 процентов в продукции всей крупной промышленности края. Вступили в строй ТЭЦ в Барнауле, ТЭЦ в Бийске и ряд мелких электростанций в городах и районах края. Валовая продукция промышленности по сравнению с 1932 годом возросла в 2,5 раза.

Более чем в два раза увеличилась пищевкусовая и почти в три раза металлообрабатывающая промышленность. Показательным является тот факт, что удельный вес крупной промышленности возрос с 45 процентов в 1928 году до 79 процентов к концу второй пятилетки.

Изменения в условиях жизни рабочих и в технике производства обусловили быстрый рост производительности труда. Если в годы первой пятилетки её среднегодовой рост составлял 4 процента, то во второй пятилетке он достиг более 16 процентов.

Третий пятилетний план, принятый XVIII съездом нашей партии, знаменовал вступление СССР в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Годы третьей пятилетки были годами бурного роста производительных сил Алтайского края. В этот период начато строительство железнодорожной магистрали Алтайская—Артышта.

Особое внимание было обращено на развитие местной инициативы, на выявление и использование местных ресурсов.

За три года третьей пятилетки продукция промышленности возросла на 34 процента, превысив в 1940 году дореволюционный уровень в 34,4 раза.

Одним из важных достижений было наиболее равномерное размещение по районам края предприятий местной и кооперативной промышленности, базирующейся на местном сырье.

За три года более чем на 35 процентов возросла мощность

электростанций. Росла производительность труда и зарплата рабочих.

Неизмеримо улучшилось культурно-бытовое положение населения. Всё шире развёртывалось стахановское движение и социалистическое соревнование за дальнейшее развитие производительных сил края.

Война прервала мирный труд советского народа.

В короткий срок было эвакуировано в восточные районы страны и пущено 1300 промышленных предприятий. Алтай был одним из райнов перебазирования промышленности.

В годы войны в промышленности края произошли существенные изменения. Они состояли, во-первых, в том, что существующие предприятия увеличивали свою мощность, размеры производства и меняли специализацию, перестраивая свою работу для нужд фронта. Во-вторых, в крае были созданы крупнейшие предприятия сельскохозяйственного, транспортного, энергетического и пищевого машиностроения. Большое развитие получили горнорудная и ряд других отраслей промышленности.

За годы войны изменилась отраслёвая структура промышленности. Металлообрабатывающая промышленность, занимавшая третье место в 1940 году, вышла на первое место в 1942 году. Резко возросла выработка электроэнергии.

Увеличилась роль городской промышленности: с 60,5 процента в 1940 году её удельный вес поднялся до 77,8 в 1946 году. Это свидетельствует о возросшей роли городов края, о превращении их в крупные промышленные центры.

Барнаул, представлявший из себя до революции город кустарной промышленности и мелкой торговли, стал крупным индустриальным центром края. Барнаул сегодня — это город транспортного машиностроения, энергетической, электротехнической, текстильной, лёгкой, деревообделочной и пищевой промышленности.

Бийск до революции не имел крупной промышленности, был гнездом иностранных купцов и спекулянтов. В 1917 году в Бийске насчитывалось всего 25 тысяч населения. Теперь Бийск — крупный центр энергетического и пищевого машиностроения, металлообрабатывающей, пищевой, текстильной и деревообрабатывающей промышленности.

Рубцовск из маленького степного поселения превратился в центр сельхозмашиностроения Сибири.

Славгород стал городом станкостроения и развитой местной промышленности.

Значительное развитие получила местная промышленность городов Камня и Алейска. Возник новый город — Чесноковка с новой на Алтае отраслью промышленности — вагоностроением.

Горно-Алтайская автономная область в прошлом не имела промышленности, за исключением нескольких кулацких мельниц и примитивных маслозаводов. Теперь здесь созданы механизированные маслодельные и сыроваренные заводы, мясокомбинат, кирпично-известковый, лесопильный, пивоваренный заводы, металлообрабатывающая промышленность и др. Несмотря на изобилие гидроресурсов, до революции здесь не было ни одной гидростанции. За годы советской власти построена Чемалская гидростанция и ряд гидростанций в аймаках.

Партия и правительство уделяют большое внимание развитию производительных сил Алтайского края.

В 1948 году продукция промышленности края возросла на 22,4 процента, а в 1949 на 40,3 процента к уровню 1945 года и на 225,5 процента к уровню довоенного 1940 года.

Ещё более показательно изменение отраслевой структуры промышленности. Если в 1940 году удельный вес металлообрабатывающей промышленности составлял 12,6 процента, то уже в 1949 году он достиг 61,2 процента.

Большую роль играет пищевая, лёгкая и лесная промышленность.

Всеобщую известность имеют алтайское масло, сыр, сахар, хлопчатобумажные ткани.

За годы Советской власти построены десятки тысяч грунтовых и улучшенных дорог и дорог с твёрдым покрытием.

Особо важное значение имеет строящаяся Южно-Сибирская магистраль. Это одна из крупнейших строек послевоенной пятилетки.

Она берёт начало от Волги в районе Куйбышево идёт через Уральский хребет — Магнитогорск — Карталы — Акмолинск (2 пути), через Кулундинскую степь Барнаул — Сталинск — Абакан и примкнёт к Восточно-Сибирской магистрали в районе Тайшет (около 400 км восточнее Красноярска).

Её значение состоит в том, что она свяжет районы Востока, Кузбасса, Алтая второй линией с центром. Кузнецкий металл и топливо получат прямой выход на заводы Алтая. Станция Алтайская станет крупным распределительным узлом, через который пойдёт грузопоток, минуя перегружённый Новосибирский железнодорожный узел.

До 1917 года в бывшей Томской губернии более 10 процентов крестьянских хозяйств не имели посевов, около 17 процентов не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря, 7,5 процента не имели рабочего скота. В 1917 году в сельском хозяйстве губернии было 46 435 сох и косуль, более 8 тысяч деревянных борон.

Колхозный строй открыл новую страницу в истории сельского хозяйства, создал широкие возможности для всестороннего его развития.

Алтайский край занимает важное место в балансе страны по яровой пшенице, техническим культурам и животноводству.

«Алтайский край — жемчужина и гордость колхозной Сибири. Это край высокосортных яровых пшениц, край маслоделия и тонкорунного овцеводства» (газета «Правда»).

Уже в 1940 году посевные площади в крае увеличились по сравнению с 1913 годом более чем в 1,8 раза.

Сельское хозяйство оснащено первоклассной машинной техникой. На полях Алтайского края работают тысячи тракторов, комбайнов и автомашин. По уровню механизации сельское хозяйство Алтая занимает одно из первых мест в стране.

В сельском хозяйстве края в 1950 году работало 475 электростанций, из которых 215 на дешёвой водной энергии. Электричество всё больше проникает в производство и быт колхозников. Например, в колхозе имени Молотова, Шипуновского района, где председателем Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР — Ф. М. Гринько, электрифицированы многие производственные процессы. Здесь работает около 60 электромоторов. Электричество применяется при очистке зерна, почти во всех процессах животноводства (стрижка, дойка, приготовление и подача кормов, воды и т. д.), полностью электрифицированы крахмально-паточный, винодельный и столярный цехи, маслобойный завод и мельница, кирпичный и черепичный прессы, лесопильный завод. Электричество приводит в действие мешалку, волчок и шприц в колбасном цехе. Всё это заменяет сотни рабочих рук, облегчает труд и придаёт ему новое содержание. В колхозе более десятка специалистов с высшим образованием. Дети многих колхозников учатся в вузах и техникумах Алтайского края и страны.

Значительно возросла урожайность сельского хозяйства по сравнению с дореволюционной.

Уже в 1941 году продукция сельского хозяйства возросла в 3 раза по сравнению с 1913 годом. Урожайность зерновых культур в 1913 году равнялась 7,2 центнера с гектара, в 1938 году она достигла 13,6 центнера.

Алтай — край развитого животноводства. За годы советской власти возросло поголовье, улучшилась породность скота, повысилась продуктивность животноводства.

Опираясь на мичуринское учение, работники Рубцовского овцеплемсовхоза и колхоза «Сибмеринос» тт. Васильев, Вовченко, Догиль, Попов вывели новую высокопродуктивную породу овец «Алтайская тонкорунная». Средний вес барана составляет 100—110 килограммов, а настриг шерсти — 10—12 килограммов. Овцеплемсовхоз является крупным поставщиком племенных мериносовых овец. За последние десять лет он продал свыше шестидесяти тысяч племенных овец и баранов.

Тт. Васильеву, Вовченко, Догиль, Попову присуждены Сталинские премии.

Работая над улучшением существующей и выведением новых пород животных, Горно-Алтайская опытная станция животноводства, путём межвидового скрещивания симменталов и яков получила новую породу коров. Годовой удой от таких коров составляет 3—3,5 тысячи литров молока, при жирности в 5—5,6 процента.

Колхозы и совхозы Алтая добились больших успехов в деле выполнения трёхлетнего плана развития общественного продуктивного животноводства.

Уже к концу 1949 года поголовье крупного рогатого скота превысило уровень 1940 года на 7 процентов, поголовье свиней на 43,9 процента.

Рост поголовья сопровождается дальнейшим повышением продуктивности. Средний надой молока на одну фуражную корову в колхозах края только за 1949 год увеличился на 15,7 процента, настриг шерсти на 1 овцу на 4,8 процента. Выход молодняка на 100 маток увеличился: телят на 15 голов, поросят — на 219, ягнят — на 19, жеребят — на 24 головы.

Всё более широкое развитие получает садоводство. В 1949 году площадь садовых насаждений в крае составила 2 772 гектара, вместо 1 192 гектаров в 1940 году.

До революции на Алтае работал всего лишь 21 агроном. Уже в 1948 году было 1800 агрономов и землемеров, 1546 ветврачей и зоотехников, тысячи трактористов, комбайнеров, механиков, шофёров и других специалистов.

За годы послевоенной сталинской пятилетки сорок передовиков сельского хозяйства за подъём урожайности и продуктивности животноводства получили звание Героя Социалистического Труда, 332 передовика сельского хозяйства награждены орденами Ленина. Кроме того, 740 передовиков промышленности, сельского хозяйства и транспорта награждены орденом Трудового Красного Знамени, 563 — орденом «Знак почёта», 1 613 — медалями «За трудовую доблесть» и 1 910 — медалями «За трудовое отличие».

Укрупнение мелких колхозов открывает замечательные перспективы для бурного роста производительных сил социалистического сельского хозяйства Алтая.

Укрупнение позволит до конца использовать могучую технику, которую даёт сельскому хозяйству промышленность, в более широких масштабах внедрять удобрения, правильные севообороты, поднять урожайность полей, продуктивность животноводства, поднять культуру наших сёл и деревень и благосостояние населения.

Дореволюционный Алтай являлся одним из ярких примеров, подтверждающих правдивость ленинских выводов о том,

что царская Россия была «тюрьмой народов». Темнота и бескультурье, нищета и угнетение — таков был удел трудящихся в мрачное время царского самодержавия. Наряду с ростом эксплоатации и увеличением прибыли буржуазии, быстро росло обнищание народов. В 1897 году на территории Алтайского края неграмотных насчитывалось 80,9 процента, а женщин — 94,9 процента. По переписи 1923 года в Барнауле насчитывалось 50 процентов неграмотного населения.

До революции в крае было всего 6 средних школ, с незначительным количеством учащихся, большинство из которых были дети торговцев, чиновников и промышленников. На территории края работало 1 212 учителей, зато служителей культа — 4 110 человек.

Ещё хуже было положение алтайцев, которые жили кочевой жизнью, не имели своей письменности.

Не заботилось царское правительство и о здоровьи трудящихся. Так, в Бийском уезде на одного врача приходилось 50 тысяч населения. На территории края до революции было всего лишь 33 больницы с 293 койками, 29 фельдшерских пунктов и один благотворительный родильный приют на 4 койки. Весь медицинский персонал состоял из 89 врачей, 380 фельдшеров и повивальных бабок. А на территории Горно-Алтайской автономной области был 1 врачебный и 1 фельдшерский пункт.

До революции алтайцы, задавленные эксплоатацией и национальным гнётом, находились на грани вымираний. Здесь не было бань. Оспа, трахома и другие болезни уносили в могилу тысячи детей.

Только социалистическая революция возродила алтайцев, открыла им путь к экономическому и духовному расцвету.

В крае успешно осуществляется закон об обязательном всеобщем семилетнем образовании.

На начало 1950—51 учебного года в крае работало 3 345 начальных и 143 средних школы с числом учащихся 423 401 человек.

Особенно большие изменения произошли в Горно-Алтайской автономной области. Алтайский народ создал свой литературный язык, свою литературу. Теперь алтайцы читают на родном языке Пушкина, Горького, Шолохова, Островского, Маяковского. Появились свои писатели и поэты. На алтайский язык переведён Краткий курс истории ВКП(б) и другие работы классиков марксизма-ленинизма. Раньше у народов Алтая средствами связи был «табыш» — устная передача новостей. Теперь все аймаки связаны телефоном и телеграфом с областным центром. Здесь работают радиовещательная станция и 10 радиоузлов. В области работают десятки изб-читален и сельских клубов, 10 аймачных (районных) домов

культуры, 16 городских и районных и 25 сельских библиотек, краеведческий музей. Созданы Дома алтайки, в которых женщины обучаются шитью, кройке, вышиванию, приготовлению пищи, уходу за детьми и другим культурно-бытовым навыкам. Работают 6 юрт-передвижек, которые проводят в колхозе киносеансы, беседы, громкие читки, лекции и медицинское обслуживание.

В области имеется 325 школ, в которых учится 23 673 человека, из них около 5 тысяч алтайцев, работают 4 специальных средних учебных заведения и учительский институт. В области приступили к осуществлению всеобщего семилетнего обучения.

Всего в крае работает 6 вузов, 6 педучилищ, 3 фельдшерско-акушерских школы, 6 сельскохозяйственных, строительный, тракторный, автомобильный, элеваторный, лесотехнический, статистический и ветеринарный техникумы.

Край имеет широкую сеть культурно-просветительных учреждений.

Большие работы ведутся по благоустройству городов и сёл.

Алтай превращён в здравницу Сибири. Здесь имеется 3 курорта, Барнаульский санаторий и несколько домов отдыха.

***

Отсталость дореволюционного Алтая отражает все мрачные стороны самодержавия и ярко подтверждает историческую ограниченность капитализма.

Преобразования, осуществлённые за годы социалистического строительства трудящимися Алтая под руководством партии Ленина—Сталина, свидетельствуют о величии Октябрьской социалистической революции, о великой силе идей марксизма-ленинизма, о неоспоримых преимуществах социалистической системы хозяйства.

Решая величественные задачи строительства коммунизма, трудящиеся Алтая, как и весь советский народ, обращают свои лучшие чувства к партии большевиков, к организатору побед советского народа товарищу Сталину.

Трудящиеся Алтая отдают все силы и знания, чтобы быстрее двигать вперёд экономику и культуру края, превратить его в более богатый и цветущий район нашей прекрасной социалистической Родины.

Литература

(библиографический справочник)

К. МАРКС. — «Капитал». т. I., изд. 1949 г.

В. И. ЛЕНИН. — Соч., т.т. III, IV, V, XIX, изд. 4-е.

И. В. СТАЛИН. — «Вопросы ленинизма», изд. 11.

История ВКП(б), Краткий курс, изд. 1945 г.

Материалы Центрального Государственного Исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), фонд 468, Кабинет Его Величества.

Материалы Государственного архива Алтайского края.

Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Алтайского края за 1939 год (итоги промышленной переписи), г. Барнаул, 1940 год.

Народнохозяйственный план Алтайского края на 1940 год, г. Барнаул, 1940 г., стр. 262.

Труды научной конференции по изучению производительных сил Сибири. Томск, 1940 год.

Развитие советской экономики (статистический материал). Москва 1946 г.

П. И. ЛЯЩЕНКО. — История народного хозяйства СССР, т. II, Гос. издательство политической литературы, 1948 г., стр. 738.

История СССР под редакцией Грекова, т. I.

СЕМЕНОВ-ТЯНЬШАНЬСКИЙ. — Путешествие в Тянь-Шань.

В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ. — «И. И. Ползунов». Изд. Академии наук СССР, 1940 г., стр. 444.

Колыванская шлифовальная фабрика, изд. 1902 г.

Полное собрание законов Российской империи, т. XXII, СПБ.

Алтай, историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского округа, г. Томск, 1890 г.

Отчёт о поездке в Горно-Алтайский округ в 1882 году (рукопись). Библ. Гос. Институт этнографии в Ленинграде.

Обзор деятельности округа за пятилетие (1911—1915 гг.), г. Барнаул, тип. Алтайского округа, 1915 г.

Краткий исторический очерк Алтайского округа, СПБ, 1897 г.

К. МИРОТВОРЦЕВ. — Соляные озёра и соляной промысел в Алтайском округе. Барнаул, 1911 г.

Журнал «Сибирские вопросы» за 1909 год.

Н. Я. САВЕЛЬЕВ. — Алтайский край — родина величайших изобретений. Стенограмма лекции, г. Барнаул, 1946 г., стр. 42.

Л. П. ПОТАПОВ. — Очерки по истории алтайцев. Новосибгиз, 1948 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Л. Исаков*
Техредактор *С. Каплан*

АГ 40214. Подписано к печати 3. 3. 1951 г. Объём 5 п. л.
Формат бумаги 60×92 1/16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 115(

Цена 1 р. 75 к.

Барнаул, тип. Алткрайполиграфиздата.